

БЫЛ ЛИ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫКОМ АКТИВНОГО СТРОЯ? (к типологии индоевропейского праязыка)*

© 2017

Константин Геннадьевич Красухин

Институт языкознания РАН, Москва, 119009, Российская Федерация; krasukh@mail.ru

В статье рассматривается обоснованность реконструкции в праиндоевропейском языке неноминативного (эргативного или активного) строя предложения. Основные аргументы таковы: бинаризм падежных окончаний, первичный бинаризм родов (одушевленный род противопоставлялся неодушевленному), бинаризм спряжения, в рамках которого противопоставлены активная vs. неактивная парадигма, глагольная форма действия vs. состояния. Кроме того, некоторые глаголы образуют пары, противопоставленные одушевленным и неодушевленным субъектами. Эргативная конструкция известна в хеттском языке. Однако сам по себе бинаризм не является достаточным основанием для доказательства доминативного прошлого языка. Упоминающиеся глаголы противопоставлены прежде всего лексическим значением. Хеттская же эргативная конструкция с падежным суффиксом *-ant-* скорее доказывает отсутствие эргативного падежа в праиндоевропейском, так как в других индоевропейских языках этот суффикс не имеет подобной функции.

Ключевые слова: индоевропейское языковое состояние, морфология имени, морфология глагола, реконструкция, эргативная конструкция

WAS PROTO-INDO-EUROPEAN AN ACTIVE LANGUAGE? (towards the typology of PIE)

Konstantin G. Krasukhin

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation;
krasukh@mail.ru

The article treats the reconstruction of non-nominative (ergative or active) structure of Proto-Indo-European (PIE) syntax. The basic arguments are as follows: the double system of case endings (nominative vs. accusative); the primary double gender system in nouns (animate vs. inanimate nouns); double conjugations, where the active and the inactive paradigms are opposed (or verbal forms of action vs. state). Moreover, there are some verbal pairs, differing by animate / inanimate subject; and the ergative construction is attested in Hittite. But the opposition of several verbs 'be', 'stand', 'sit', 'lie' itself does not provide ample evidence for a non-nominative construction; the verbs in the pairs mentioned above differ in their lexical meaning, and the Hittite ergative with the case suffix *-ant-* can be rather regarded as evidence against the reconstruction of non-nominative construction in PIE: this suffix does not have a similar function in any other IE branch.

Keywords: ergative construction, nominal morphology, Proto-Indo-European, reconstruction, verbal morphology

*Светлой памяти Нинели Зейналовны Гаджиевой,
Георгия Андреевича Климова
и Мухадина Абубекировича Кумахова*

* Исследование было поддержано грантом Президента РФ, проект № 01-06-99508. В 1998 г. М. А. Кумахов задумал возродить серию «Сравнительно-историческое изучение языков разных семей», основанную Н. З. Гаджиевой; по его просьбе и была написана данная работа. К сожалению, замысел не осуществился. При подготовке статьи к печати я постарался учесть новую литературу.

1. Введение

Гипотеза о дономинативном прошлом праиндоевропейского языкового состояния ведет начало с 1901 г., когда в журнале «Indogermanische Forschungen» появилась небольшая статья голландского лингвиста К. Х. Уленбека [1950]. Уленбек сравнивал индоевропейский праязык с некоторыми кавказскими, где имела место эргативная конструкция предложения: субъект переходного глагола оформлен иначе, чем субъект непереходного; субъект непереходного глагола изоморфен прямому объекту переходного. Опираясь на распределение окончаний в праиндоевропейском (*-s — показатель номинатива несреднего рода, *-m / -Ø — аккузатив несреднего рода и номинатив-аккузатив среднего), Уленбек предположил, что в праиндоевропейском существовал эргативный строй предложения, причем *-s являлся флексией эргативного падежа, *-m — абсолютного. Идеи Уленбека нашли поддержку в трудах Х. Педерсена и А. Вайана [Pedersen 1907; Vaillant 1936], позднее — у У. Р. Шмальстига [Schmalstieg 1980; Шмальстиг 1989], А. Н. Савченко [1967; 1974]. О возможности такой реконструкции говорил и И. М. Тронский [1967]. Затем, в 60—70-е гг. XX в. в работах Г. А. Климова был исследован иной тип языка — активный. В его рамках противопоставлялись не переходность / непереходность, а активность / неактивность глагола; в зависимости от этого параметра осуществлялся выбор субъектных показателей [Климов 1973; 1977; 1983]. Языков этого типа немного, но Климов предположил, что многие эргативные и номинативные языки, в том числе и праиндоевропейский, в прошлом должны были иметь именно активный строй предложения. Идеи Г. А. Климова были поддержаны Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым [1984: 232—239], предложившими цельную реконструкцию праиндоевропейского как активного языка с отдельными эргативными чертами, Ю. С. Степановым [1989], реконструировавшим процесс перехода индоевропейского языкового состояния от активного строя к номинативному. В поддержку реконструкции активного строя в праиндоевропейском высказывался также У. Ф. Леман [Lehmann 1993]; она принята в учебнике Р. С. П. Бекеса [Beekes 2011: 215]. Асигматический номинатив ед. ч. Бекес выводит из индоевропейского абсолютного падежа, полагая, что эргатив оканчивался на *-os. Таким образом, лучше всего эта флексия сохранилась в генитиве, тогда как атематический номинатив допустил ее редукцию.

У. Шмальстиг [Schmalstieg 1984] тоже считал флексию генитива окончанием эргатива, но его реконструкция отличается от общепринятой. По его мнению, индоевропейская эргативная конструкция воспринимается в пассиве с аукториальным падежом. Таким был генитив, который, однако, в большинстве индоевропейских языков в этой функции был заменен на инструменталь или предложную конструкцию (лат. *ab* с аблативом, греч. *ὅπό* с генитивом и т. д.). Древний генитив сохранился в лит. *máno kūrta* ‘мною сделано’, пофонемно совпадающем с др.-перс. *manā kartam*. Также он функционирует при литовских глаголах, обозначающих воздействие извне: *žėmė lietaūs primirko* ‘земля намокла от дождя’ и т. д.

Еще более оригинальный взгляд на праиндоевропейскую эргативную конструкцию высказал К. Шильдс [Shields 1982]: по его мнению, в ней противопоставлялся эргативный падеж с нулевой флексией (вариант *-r, *-s) и абсолютный с -N. Этот последний, по мнению автора, проявляется в формах косвенных падежей типа др.-инд. *dāru* ‘дерево’ — род. п. ед. ч. *druṇáh, vāri* ‘вода’ — род. п. мн. ч. *vāriṇām*; из него же развилось окончание аккузатива *-m. Но, во-первых, язык с немаркированным эргативным падежом и маркированным абсолютным выглядит типологически уникальным; во-вторых, неясно, почему именно основа косвенного падежа должна восходить к форме абсолютива; в-третьих, индоевропейский аккузатив с окончанием *-m обозначал вовсе не прямой объект, а предел действия [Gonda 1957; Тронский 1967; Красухин 2005].

Аргументы же Бекеса и Шмальстига вызывают возражения по следующим причинам. Долгота гласных появляется в номинативе только у имен несреднего рода с основами на сонорный и -nt-: греч. *λύω* ‘развязывать’ — причастие м. р. *λύων* (< *lu-ont-s), ср. р. *λύον* (< *lu-ont-Ø). Бекес выступает против общепринятой теории, согласно которой долгота последнего гласного перед сонорным в номинативе объясняется выпадением

конечного *-s. Он ссылается на формы акростатических генитивов типа др.-инд. (*pátir*) *dánn*, греч. *δεσ(πότης)* ‘(хозяин) дома’ (**dem*s), на 2 л. ед. ч. атематических глаголов (лат. *fers* ‘ты несешь’), где нет ни выпадения *-s, ни удлинения гласного. Но, как отметил Й. Э. Расмуссен [Rasmussen 2001], формирование номинатива и акростатического генитива — процессы разного времени. Добавлю, что глагольная форма была более агглютинативной в праиндоевропейском (*b^hér-mi* < **b^hér-me* ‘носитель-я’), в связи с чем морфемный шов воспринимался четче, без допущения фузии [Красухин 2013]¹. Таким образом, аргументы Бекеса не опровергают традиционного взгляда на происхождение номинатива.

Что касается связи пассива и эргатива, то, согласно Шмальстигу, предложение типа лит. *Lietūs primėrkė žemę* ‘Дождь намочил землю’ выводится из синтагмы с подлежащим в абсолютном падеже. Такое предложение, конечно, можно считать поздним: в литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что в праиндоевропейском позиции субъекта могло занимать только имя одушевленного предмета (см. [Степанов 1989: 35] со ссылкой на [Silverstein 1976]). Но и происхождение предложения типа лит. *Artójas sodina bulves* ‘Земледелец сажает картошку’, *Pietuð gāna gývulus* ‘Пастух пасет стадо’ труднообъяснимо, если предположить, что вначале в них присутствовал пассивный оборот. Таким образом, предложенные реконструкции (назовем их неклассическими), не основаны на убедительных аргументах.

1.1. Доказательства индоевропейского доминативного прошлого в классической реконструкции суть следующие.

А. Несомненные бинарные оппозиции в имени и глаголе. Об имени см. выше; для глагола восстанавливаются две парадигмы спряжения, к одной из них восходят окончания презенса и аориста, к другой — медиа и перфекта. Такая реконструкция была независимо предложена Х. Стангом и Е. Куриловичем [Stang 1932; Kuryłowicz 1932] и затем использована сторонниками доминативного прошлого.

Б. Оппозиция активности / неактивности охватывает не только грамматический, но и лексический уровень. В частности, известны глаголы, которые могут сочетаться только с именами «активного» класса и парные им, сходные по семантике, но сочетающиеся с «инактивными» именами (см. 2.1—2.8).

В. Слабая представленность глагола ‘иметь’ в древних индоевропейских языках: отсутствие общего этимона, преобладание посессивных конструкций с глаголом ‘быть’, именем владельца в косвенном падеже и именем обладаемого предмета в номинативе (типа русск. *у меня есть книга*)².

Г. Отдельные данные, как будто свидетельствующие о взаимозависимости морфологического оформления имени и глагола. Например, в хеттском языке имена среднего рода (инактивные, по общему мнению) в сочетании с активным глаголом переходят в несредний род и приобретают формант *-ant*: *uatar* ‘вода’ — *uetenent*, *eshar* ‘кровь’ — *eshanant*, *sehur* ‘моча’ — *sehunant*, *uttar* ‘слово’ — *uddanant*, *utne* ‘страна’ — *utneant*, *nepis* ‘небо’ — *nepisant*.

¹ Заметим, что флексии падежей множественного числа формировались, по-видимому, в то же время, что и формы атрибутов, именуемых в Эрлангенской школе «акростатическими генитивами». Поэтому окончание вин. п. мн. ч. *-*ons* < *-*om-s* не превратилось в *-ōm* / *-ōn*. Но и в этом случае окончание имени более фузионно, чем флексия атематического глагола, поскольку флексия *-s как показатель 2 л. мн. ч. первична, а омонимичный формант *-s как показатель множественного числа — весьма вторичен.

² Отсутствие или слабая представленность глагола ‘иметь’ характерна и для русского языка. Происхождение самого глагола *иметь* из *имати* ‘брать’ очевидно, как и предпочтение посессивной конструкции с *быть*. Очевидно, тотальное распространение ‘иметь’ характерно для стандартного европейского типа языков (SAE). Преобладание глагола ‘иметь’ над посессивным ‘быть’ также связано с общей ориентацией индоевропейских языков Европы на обобщение в качестве субъекта предложения именно агенса, на устранение безличных конструкций. Это и составляет одну из важнейших черт SAE, см. [Kurzová 1999]. Но существовал ли изначально индоевропейский праязык с неноминативной конструкцией? На этот вопрос мы и поищем ответ.

Имена среднего рода вообще редко становятся в позицию субъекта; оказавшись в ней, они сочетаются по преимуществу с неактивными предикатами, стоящими обычно в форме медиопассива: *eshar kisari* ‘кровь появляется’, *lamman kittari* ‘имя имеет место’ и т. д. [Laroche 1962: 36—37]. Такая сочетаемость легко объясняется семантикой имени. В целом же можно утверждать, что однозначной связи активности / инактивности имени с такими же характеристиками глагола для праиндоевропейского пока никто не установил [Красухин 1985; 1990]. И синтаксис хеттских имен на *-ant*, коррелирующих с именами среднего рода, допускает и иное толкование. Приведем некоторые наиболее показательные примеры, см. [Laroche 1962; Tchekhoff 1978; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 303—304]:

ХЕТТСКИЙ

- (1) *kuedani uddani uuanun nu-mu TUL-anza punisdu uitenanza* (KBo X 45 II 32 sq)
‘по какому делу я пришел, пусть спрашивает меня источник и вода’;
- (2) *eshanahza eshanas inan karapzi*
‘кровь прекращает болезнь крови’³;
- (3) а. *man-an-za-kan sehunanza-pit tamaszi* (I BoT I 36 I 34)
‘если моча его сама по себе давит’;
б. *na-at-za ammel uddantes tarahhir*
‘и их мои слова покорили’;
- (4) *na-an-za ser nepisanza tarahdu* (KUB XVII 8 IV 9)
‘и ее (болезнь) Небо да победит’.

Однако существуют два обстоятельства, мешающие признать за этими конструкциями статус праязыковых. Во-первых, суф. *-ant-* ни на хеттском, ни на общеиндоевропейском уровне не может быть признан однозначно активным. Его функции очень разнообразны: посессивная, экспрессивная, плюральная и т. д. [Solta 1958]. В самом хеттском он образует активные причастия от непереходных глаголов и пассивные от переходных (*kunanza* ‘убитый’, *appanza* ‘захваченный’). Во-вторых, хеттский существовал в окружении малоазиатских языков с эргативной конструкцией предложения. Функция суф. *-nt-* как «активизатора» могла развиваться под влиянием хаттского субстрата или хурритского адстрата. Более подробно значение и функция этого суффикса в хеттском и общеиндоевропейском будет рассмотрена в разделах 2.8.1—3.

2. Анализ

2.1. Теперь перейдем к четырем приведенным Гамкрелидзе и Ивановым парам глаголов со значением основных внешних состояний субъекта, в которых левый член относится к «активному» спряжению (то есть к атематическому), а правый — к «неактивному» (тематическому, медиопассивному или хеттскому спряжению на *-hi*):

Таблица 1

‘быть’	* <i>es-</i> : др.-инд. <i>ásti</i> , хетт. <i>eszi</i> , греч. <i>εἰμί</i> , лат. <i>est</i> , лит. <i>ėsti</i> , слав. <i>ieсть</i> , гот. <i>ist</i>	* <i>bhū-</i> : др.-инд. <i>bhávati</i> ‘становиться’, лат. <i>fui</i> , лит. <i>buvai</i> ‘я был’, греч. <i>φύω</i> ‘расти(ть)’
--------	---	---

³ Этот пример особенно показателен, так как одно и то же имя представлено в «активном» и «инактивном» варианте: *eshananza* / *eshanas*.

‘сидеть’	* <i>es</i> :- др.-инд. <i>āste</i> , греч. <i>ἵσται</i>	* <i>sede</i> :- др.-инд. <i>sīdāti</i> , греч. <i>ἵζω</i> ‘сажать’, <i>ἵζομαι</i> ‘сидеть’ (< * <i>si-sd</i>), лат. <i>sedēre</i> , гот. <i>sītan</i> , слав. <i>сѣсти</i>
‘лежать’	* <i>ses</i> :- хетт. <i>sesti</i> , др.-инд. <i>sāsti</i> ‘спать’	* <i>kei</i> :- вед. <i>śáye</i> , послевед. <i>śete</i> , авест. <i>saete</i> , греч. <i>κεῖται</i> , хетт. <i>kittari</i> , лув. <i>ziia</i>
‘стоять’	* <i>stah</i> :- др.-инд. <i>tisthati</i> , греч. <i>ἵστημι</i> ‘ставить’ (<i>ἕστην</i> ‘я стал’), лат. <i>stare</i> , гот. <i>standan</i> , слав. <i>сѣиати</i>	* <i>or</i> :- хетт. <i>arhahari</i> ‘я стою’, лат. <i>orior</i> ‘я возникаю’, греч. <i>ὄρτο</i> ‘поднялся’

Следует, однако, сказать, что эта таблица довольно противоречива. Одна и та же морфема (окончание медиопассива *-to) оказалась в разных столбцах: др.-инд. *āste*, греч. *ἵσται* отнесено к «активу», хетт. *arta*, *artari*, как и греч. *ὄρτο* — к «инактиву». Кроме того, греческому и древнеиндийскому глаголу со значением ‘сидеть’ соответствует хетт. *esari*, *esa* — медиопассив спряжения на -hi. Сопоставлением с ним объясняется и долгота гласного в греко-арийской форме: это перфект от глагола **es*- ‘быть’; в хеттском он сохранил свою начальную флексию, в древнеиндийском при наличии парадигматического перфекта *āsa* ‘он был’ у глагола *ās*- ‘сидеть’ медиальная флексия заместила перфектную. Нечто аналогичное произошло и в греческом, ср. и.-е. **e-es-e* > греч. **ηε*, ср. имперфект *ἦε* ‘он был’. С другой стороны, корень **sed*- иногда может обозначать и активное действие, ср. лат. *sido* ‘сажать’ и производное от него *sedeo* ‘сидеть’. Значение же корней **es*- и **bhū*- различалось не как активность и пассивность, а как бытие и состояние; по-видимому, сперва корень **bhu*- означал ‘произрастать’ (ср., помимо греческого, также слав. *былие* ‘трава’, кстати, фонемно совпадающее с греч. *φύλλον* < **bhuljon* ‘лист’). Что же касается корня **or*- (**h₃er*-), то он получил значение ‘стоять’ только в хеттском, в остальных же языках этот этимон всегда означает ‘поднимать(ся)’. Наша задача заключается именно в том, чтобы рассмотреть причины изменения в значении этого глагола. Обратимся к его морфологии и семантике.

2.2. Спрягается он как обычный медиопассив глаголов на -mi: единственное отличие от глаголов на -hi здесь заключается в 3 л. ед. ч. с дентальной флексией (-ta-ri vs. -a-ri). Значение же контекстов Э. Ной разделил на три большие группы: ‘стоять’, ‘вставать, устанавливать себя’ и ‘быть, становиться поставленным’ [Neu 1968a: 120].

В первой группе можно выделить следующие оттенки:

1) ‘стоять’:

- (5) хеттский
ANA ^DUTU^{sl}-kan anda assuli naistati kattimi assuli **artati** (KUB XXXII 130, 27 ff.)
‘и к богу Солнца ты себя с добром приведешь, и при мне с добром стоять будешь’;

2) ‘присутствовать, оказываться’:

- (6) хеттский
SUM-ir-uat-si kuuiapi nuua kas kassa **aranta** (KUB XIII 4 III 37 ff.)
‘когда они дали это ему, и один, и другой оказались (рядом)’;

3) в особую группу можно выделить контексты, где речь идет о небесных светилах:

- (7) ХЕТТСКИЙ
 MUL^{HLA} *nuua aranda* (KUB IX 28 III 11)
 ‘и звезды еще стояли’.

В отличие от первых двух контекстов, здесь глагол обозначает некоторое состояние, осуществление которого является частью общего и неизменного природного процесса, не зависящего от деятельности определенного актора.

Вторая группа:

- (8) ХЕТТСКИЙ
 INA KUR^{LU} *KUR-ia kuuapi paimi numu kattimi assuli artati* (KUB XXXII 130, 29f)
 ‘Когда я уйду в горную страну врагов, ты предстанешь передо мной с добром’.

Третья группа не всегда может быть отличима от первой. Так, один и тот же контекст по-разному переводится Э. Ноем и Й. Фридрихом:

- (9) ХЕТТСКИЙ
 GIS^D INANNA^{HLA} *andurza karu arantari* (KUB II 6 IV 11)
 ‘музыкальные инструменты стоят впереди (то есть стояли раньше) внутри’ [Friedrich, Kammenhuber 1978: s.v. *ar*]; ‘музыкальные инструменты были раньше внутри поставлены’ [Neu 1968a: 23].

Так же амбивалентен и другой контекст:

- (10) ХЕТТСКИЙ
 SA^D URU^U *Hatti^{NA} huuasi INA^E tarnui artari* (KUB XI 22 I 2f)
 ‘камень-*huuasi* бога грома страны Хатти в дом-*tarnu* доставлен / в доме-*tarnu* стоит’.

Этот краткий, проведенный на основании изданий Фридриха и Ноя обзор показывает, что значение ‘стоять’ у глагола *artari* не первично. Неподвижное состояние, обозначаемое им, явно мыслится как результат некоторого процесса, инициированного актором или средой, или актором в отношении самого себя. Иными словами, и в этой глагольной форме явно прослеживается более старое значение ‘двигаться, подниматься’. Ср. еще сочетания с наречиями: *kattan ar-* ‘входить’, *kattan arha ar-* ‘отходить к кому-либо’.

2.2.1. Рассмотрим теперь родственные глагольные формы в хеттском. Глагол *ari* принадлежит к спряжению на *-hi* (1 ед. ч. *arhi*, 2 ед. ч. *arti* и т. д.) и означает ‘достигать, приходить’ (отличается от *paimi* примерно как нем. *gehen* ‘идти’ от *kommen* ‘приходить’). Он может фигурировать с локативом и без локатива:

- ХЕТТСКИЙ
 (11) *mahhanmaua URU^U Hatti aruen* (StBoT 4.60)
 ‘и мы тогда пришли в страну Хатти’;
 (12) *nu GIM-an URU^U Hateziua aruen* (KUB IX 16 I13)
 ‘и затем мы пришли в город Хатецива’.

В противопоставлении *paimi*:

- (13) ХЕТТСКИЙ
man DUMU-as URU^U Misturaha paizzi man-as URU^U Karikuriska ari LU^U GUDU memai (KUB XVII 9 II 16 ff.)
 ‘когда ребенок идет в страну Мистураха и приходит в страну Каркуриска, говорит человек-GUDU’.

Локатив может обозначать и лицо:

- (14) ХЕТТСКИЙ
nutta UD^{um} *SIMTIKA ari* (KBo IV 10, Vs.5)
 ‘и к тебе приходит день смерти’.

Глагол приобретает значение ‘появляться, возникать’:

- (15) ХЕТТСКИЙ
mahhanmassan 7 DUG^{LIS.GAL} *ari nu* SAL^{MES} *katres* TUG-an *saranzi* (KBo V 1 III 51 ff.)
 ‘и когда 7-я кожа появляется, *katres* разрывают покрывало’.

Сопоставление глаголов *arta(ri)* и *ari*, как представляется, ясно свидетельствует о том, что первый из них обозначает результат действия или процесса, а второй — само действие / процесс. Глагол же *arnuzi* ‘приносить, доставлять’, вне всякого сомнения, выражает каузацию этого процесса. Возможно, с этим корнем связан еще один глагол: *arai*, который в спряжении на *-hi* означает ‘подниматься’ (*arai* ‘он поднимается’, 3 ед. ч. прет. *arais*), а в спряжении на *-mi* — ‘останавливать’ (*arai*zi, прет. *arait*). Первый глагол часто встречается в сакральных текстах:

- ХЕТТСКИЙ
 (16) ^m*Askali uddar arais* (BoTU 12 C Vs 23)
 ‘против Аскали молитва поднялась’ (старохеттский текст);
 (17) KAXU-SU-mazakan pian arha nais n-as *arais* (KUB XVI 46 I 14 f.)
 ‘и жертвенных птиц он взял, и поднялся’.

Действие здесь является частью общего процесса, инициированного божественной силой. Правда, А. Клухорст [Kloekhorst 2008] не признает родства *arai* и *artari*. Первый глагол он возводит к **h₁er-* (ἐρχομαι), второй к *h₃er-*. Но, например, авторы [LIV] полагают, что хетт. *arta(ri)* восходит все-таки к **h₁er-*. С моей точки зрения, формальная и семантическая близость обоих глаголов не позволяет разделять их по разным корням. Что же касается глагола *arai*zi, то старое значение ‘поднимать’ проявляется в некоторых его формах: причастие *arant-* ‘высший, руководитель’ (< ‘поднятый’).

2.3.1. Именно это значение является базовым для индоевропейского корня **or-/r-*: греч. ὄρνυμι, др.-инд. *ṛnóti* пофонемно совпадают с хетт. *arnumi*; императив *ṛnuddhi* = ὄρνυθι = *arnut*. Соответственно греч. ὄρτο и др.-инд. *árta* соотносятся с хетт. *arta*, а тематический аорист ὄρоротε и перфект ὄρωρε морфологически близки к *ari*. Все три формы имеют в основном интранзитивно-медialное значение и не противостоят друг другу, подобно хетт. *arta(ri)* / *ari*. Тем не менее разница между ними имеется. Медialный аорист может относиться к одушевленному и неодушевленному имени, ср.:

- ГРЕЧЕСКИЙ
 (18) ὄρτο... Ὀδυσσεύς ‘поднялся Одиссей’ (9 3, χ 348), Ἐλατρεύς ‘Элатрей’ (9 11), κῆρυξ ‘вестник’ (ξ 449), Ἀνδράϊμονος υἱός ‘сын Андремона’ (ξ 364);

С другой стороны, ср. пример (19).

- (19) γέλως ὄρτο ‘поднялся смех’ (9 343), κλαγγή ‘шум’ (ξ 412), ἔμερος ‘желание’ (π 215).

При ὄρωρε существуют следующие субъекты:

- (20) χαλεπὸς δὲ τις ὄρωρε δαίμων (ψ 222)
 ‘некий тяжкий демон поднялся’;
 (21) ὄρωρε θεῖος ἀοιδός (9 539)
 ‘поднялся божественный певец’.

Иногда этот глагол может быть переходным, но его субъектом остается неантропная сущность:

- (22) *τὴν δὲ τοι ρέξαι θεὸς ὄρωρε ἔργον ἀεικές* (ψ 222)
‘и ее бог поднял на это нечестивое дело’;
- (23) *οὐκ οἶδ’ ἢ τίς μιν θεὸς ὄρωρε, ἦε’ καὶ αὐτοῦ* (δ 712)
‘не знаю, бог ли какой его поднял, или он сам себя’.

Перфект *ὄρωρε* и плюсквамперфект *ὄρώρει* не бывают переходными; в остальном же их значение очень близко тематическому аористу. К примеру:

- (24) *κόμπος...ὄρωρε* (θ 386), *κόναβος* (ж 122), *βοή* (ω 48), *ὄρύμαδος* (ω 70)
‘шум поднялся’;
- (25) *γαῖαν ὁμοῦ καὶ πόντον ὄρώρει δ’ οὐρανόνθεν νύξ* (ε 294, ι 69, μ 315, ο 462)
‘над землею, как и над морем, встала с неба ночь’.

Формула (25) напоминает хетт. MUL^{HLA} *nina aranda* ‘звезды вот стоят’. Интерес представляет этот же перфект и плюсквамперфект в гомеровских гимнах:

- (26) *κράτος δ’ ἀπ’ ἀθανάτοιο, πολὺς γ’ ἀπὸ κόσμος ὄρωρε* (VII 42)
‘сила бессмертного, великий мир возник’;
- (27) *ἄνθερι τηλεθάων, χαριεῖς δ’ ἐπὶ καρπὸς ὄρωρε* (XXIII 4)
‘в цветке расцветая, появился благостный плод’.

Подытоживая, мы можем определить значение различных вариантов глагола следующим образом. Форма *ὄρω* обозначает однократное достижение некоторого состояния, которое могло явиться результатом как действия субъекта, так и лица, не совпадающего с ним. Тематический же аорист и перфект указывают на то, что имеет место некий по большей части непрерывный процесс (или временная точка в процессе), не зависящий от действий человека. Это может быть природный процесс (произрастание плода, движение небесных светил, даже возникновение мира) или волеизъявление божественной сверхъестественной силы (бога или демона). Наконец, значение перфекта в гомеровских гимнах амбивалентно: оно может быть переходным и непереходным (что связано с общей тенденцией развития перфекта в греческом — от глагола состояния к обычному претериту [Chantraine 1927]). Глагол может быть понят в контексте как ‘появился’ и ‘появляется’, ‘существует в результате возникновения’. Значение процесса особенно актуально в XXIII гимне, где речь идет о чудесных превращениях на корабле, на котором плыл Дионис.

2.3.2. Ведическое *ārta* по значению близко к полностью изоморфному греч. *ὄρω*; его значение можно передать как ‘появиться, прийти, возникнуть’, но также и ‘погибнуть’. Субъектами при нем могут быть: 1) имена людей, 2) имена природных процессов, 3) имена абстрактных сущностей. К контекстам первого типа отнесем:

ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

- (28) *prā śārdha ārta prathamām vipanyāṁ ṛtasya yonā vṛṣabhāśya nīlē | spārhó yūvā vibhāvā sapta priyāso ’janayanta vṛṣṇe* (IV 1, 12)
‘толпа появилась первым движением во вместилище закона, в чрево быка, желанная, юная, могучая; семь любимых для быка родились’;
- (29) *ācha kavīm... ūtibhis tāṁ iṣaṇo dyumnāhūtau nī māyāṁ ābrahmā dāsyur arta* (IV 16, 9)
‘мудрецу... на помощь к нему устремись с боевым кличем; пусть падет Дасью, полный хитростей, лишенный священных слов’ (Гельднер переводит *dāsyu arta* как ‘Dasyu soll erliegen’ [Geldner 1951—1957]).

Тем самым можно видеть разнообразие значений ведического глагола: не только ‘подниматься’ или ‘приходить, возникать’, но и ‘падать’. Форма аориста означает вхождение в одномоментное состояние как результат не только подъема, но и падения.

Контексты второго типа:

(30) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

mā no asmīn maghavan prtsū āmhasi nahi te āntaḥ śavasah parīṇāśe / ākrandāyo nadhyó rōruvad vānā kathā ná kṣoṇīr bhiyāsā sám ārata (I 54, 1)

‘ты, богато дарящий, да не (оставь) нас в этой беде, нет конца твоей силе; ты заставил реки шуметь, шумные деревья. Как людям не сгрудиться от страха?’ [Елизаренкова 1989—1999].

Контексты третьего типа:

ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

(31) a. *ūd asya śuśmād bhānūr nārta* (VII 34, 7)

‘от этого натиска поднялся, как луч света’;

b. *vidyūto marūto jājjhatīr iva / bhānūr arta tmānā divāḥ* (V 52,6)

‘как смеющиеся, блестящие Маруты, луч с неба своей силой поднялся’ или ‘после этого Маруты пришли, как смеющиеся (женщины); само по себе появилось сияние неба’ [Geldner 1951—1957].

(32) *nēśat tāmo dūdhitaṃ rōcata dyaúr úd devyā uśāso bhānūr arta* (IV 1, 17)

‘унесло мрачную тьму, рассвело небо, возник свет божественной зари’.

Субъектом этой глагольной формы выступает также ‘звук’:

(33) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

tāva dyumānto arcāyo grāvevocyate bṛhāt / utó te tanyatūr yāthā svānó arta tmānā divāḥ (V 25, 8)

‘Твои сияющие лучи громко звенят, как давящий камень. Звук своей силой поднимается, как гром с неба’.

В данном контексте понятия ‘звук’ и ‘луч’ оказались тесно связаны. Связь эта прослеживается и на этимологическом уровне. Имя *svānas* восходит к корню **suel- / suen-*: лат. *sol*, гот. *sunno*, греч. *ἥλιος* (<**saueļijos*) ‘солнце’. К тому же этимону восходят как др.-инд. *svār*, *sūrya* ‘солнце’, так и *svarate* ‘звучать’. Глагол же *arta* при таких субъектах может быть интерпретирован одновременно как процессный, так и пунктуальный: ‘поднялся’ и ‘возник’. Для характеристики формы *arta* в ведическом существенна ее многозначность: ‘подниматься, приходить; останавливаться; прекращаться’.

Нематериальные сущности в сочетании с данным глаголом образуют формулу *bhanūr / svānas (tanyatūḥ) arta (tmānā divāḥ)* ‘луч / шум (гром) поднялся (своей силой с неба)’. Сопоставление с хетт. MUG^{HLA} *artari* ‘звезды стоят’ и греч. *νύξ ὄρωγε* ‘ночь настала’ позволяет реконструировать формулу на праиндоевропейском уровне. Ее можно представить так, обозначив прописными буквами компонент, находящий параллели только в семантике, а строчными — формально реконструированный компонент: **CAELESTE or- / r-* ‘небесное явление поднялось, возникло’⁴.

⁴ Формулы, реконструированные на семантических основаниях, конечно, значительно менее надежны, чем содержащие общие корни, подобные классическим **kléuos n-g^{uh} dthitóm*. Тем не менее в книге Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [1984: 833] приводится параллель ведической и норвежской формулы: *majjā majjñā sam dhīyatām* ‘кость с костью да соединится’ (Атхарваведа) и *ledge marv i marv* ‘сложил косный мозг с костным мозгом’, ср. [de Vries 1957: 169]. И словосочетание в хеттском, гомеровском греческом и ведическом, в котором появление небесного тела выражается одним и тем же глагольным корнем, вполне может рассматриваться как формульное.

2.4. Таким образом, оппозиция *ari* / *artari* в хеттском как будто может быть проецирована на праиндоевропейский уровень. Попробуем разобраться в ее характере. Хеттское *artari* — презенс, тогда как др.-инд. *árta* и греч. *ἄρτο* — аористы. В этом качестве они обозначают ту часть процесса, которую Г. Кёллин назвал «критической точкой» («момент изменения в процессе» [Kølln 1969: 43]). Соответственно, презенс может обозначать либо достижение этой точки (первая фаза процесса), либо состояние после критической точки. Все три фазы можно проиллюстрировать латинским *iacio* ‘я бросаю’ — *iēci* ‘я бросил’ — *iaceo* ‘я лежу’. Вышеприведенные контексты показывают, что основное значение *arta(ri)* — 3 (нахождение в состоянии), и отчасти 1 фаза процесса а для *ari* — только первая (достижение состояния).

2.5. 40 лет тому назад Э. Риш сопоставил *arta(ri)* и вед. *árta* и пришел к выводу о том, что индоевропейский меди́й также мог обозначать завершенность действия или состояния [Risch 1975]. Очевидно, это значение выражал именно аффикс *-to⁵. Аналогично Риш рассматривает хеттскую же форму *lukta* ‘рассвело’. Ей же посвящено небольшое, но очень содержательное исследование К. Хоффмана [Hoffmann 1975]. Этой хеттской форме соответствует вед. *arukta*, которое, однако, не засвидетельствовано в самхитах и появляется только в араниях (*sám... arukta* (TA IV 7, 6) ‘вот рассвело’). Однако пассивный аорист *aroci* и причастие *rucana* в Ригведе известны; они заставляют предположить наличие атематического аориста (*-rok / -rukta < *-leuk-t / -luk-to). Такой аорист противостоит презенсу *rócate* ‘светится’.

2.6. В хеттском засвидетельствованы также форма *lukzi* (презенс, новохеттский период), *lukta*, *luktat* (формальный медиопассив) ‘светиться’ и *lukkizzi* ‘зажигать’. Завершенность действия, выраженного формой *lukta* / *lukkatta*, вполне очевидна в формуле *man lukkatta(-ma)* ‘когда рассвело’:

- (34) ХЕТТСКИЙ
*man lukkattati*⁶ URU *Zalpa pait* (KBo III 38 Vs 2)
 ‘когда рассвело, он пошел в город Цальпа’ (завершение процесса предшествует претеритальному действию).

В следующем контексте оба рассмотренных глагола встретились вместе:

- (35) *lukta-ma INA UD II.KAM kuitman* ^DUTU-us *nuiua artari* (KUB XXIX 4 I 55)
 ‘и рассвело, когда на второй день бог Солнца не встает’.

По сути дела, второй глагол обозначает следствие (отрицаемое) из первого. Первый же выражает некоторое стабильное состояние; поэтому всю конструкцию допустимо перевести так: ‘и утром на второй день бог Солнца не встает’.

Перфективные формы противостоят неперфективным *ari*, *lukkizzi*. Они на синхронном уровне сильно отличаются друг от друга морфологически и семантически, но в диахроническом плане обнаруживают общее происхождение. Глаголы на *-hi* репрезентируют индоевропейский перфект; 3 л. перфекта — это чистая глагольная основа с вокальным ауслаутом. Из нее же происходит тематическое спряжение: «Das Form *g^{uh}ené [‘убитый’. — К. К.] als eine Quelle des Perfekts, des Mediums und der thematischen Konjugation» [Watkins 1969: 45]. Согласно Е. Куриловичу [Kuryłowicz 1956: 41—44], прилагательное типа *lik^ué

⁵ С нашей точки зрения, простые глагольные индоевропейские корни сами по себе не выражали аспектуальных различий. Эту функцию несли только глагольные аффиксы.

⁶ Впрочем, статус формы *lukkattat* спорен. Э. Ной [Neu 1980: 16—19] упоминает наречие *lu-uk-kat-ta*, образованное благодаря переразложению именной основы *lukat* ‘(на следующее) утро’ (засвидетельствованной в форме *lu-uk-kat* / *lu-uk-ka-ti*). Впрочем, он же указывает на омонимичность наречия *lu-uk-kat-ta* и аналогичного же медиопассивного глагола. Первое встречается в среднехеттских текстах, второй — и в древнехеттских.

‘оставленный’ легло в основу медиопассивного аориста, затем и других глагольных форм с тем же ауслаутом. Путем переразложения это **-e* превратилось и в тематический гласный (см. подробно об этом в [Красухин 1987]). Ю. С. Степанов [1989: 28] считал происхождение глагольных форм из «рассогласованных прилагательных» возможным, но не доказанным. С нашей точки зрения, гипотезу Куриловича можно обосновать сравнением литовских наречий, происходящих из форм среднего рода, с глаголами, выражающими состояние. Не углубляясь в эту тему, развитую в [Krasukhin 2012], отметим, что наречие и глагол в предложениях лит. *šiandiēn šalta* ‘сегодня холодно’ и *šiandiēn šāla* ‘сегодня морозит’ имеют сходную морфологию, семантику и синтаксическое управление.

Формы типа **ore*, **luke*, лежащие в основе хеттских глаголов, обозначали внутреннее состояние и потенции субъекта. Будучи введены в систему презенса, они получили значение длящегося действия / процесса [Georgiev 1975]. Поэтому из них образовывались дуративы, чье значение усиливалось оппозицией форм с перфективными аффиксами. Каждая словоформа может сохранять черты значения своего прототипа, поэтому греческий аорист *ᾠορε* и перфект *ᾠωρε* обозначают процесс, не зависящий от волеизъявления человека: непреходящее движение природных сил или деятельность надчеловеческих сущностей.

Простые тематические формы, обозначавшие природное, духовное или телесное состояние, по-видимому, не содержали изначально черт, которые заставляли бы трактовать их именно как глаголы или прилагательные. По мнению Ф. Бадер [1989], **-é* — это древнейшая медиальная флексия, которая была затем заменена формантом *-tó*. На наш взгляд, эти формы вовсе не равнозначны: первая из них, как было показано выше, не указывает на завершенность действия, а вторая указывает. Но их оппозиция могла ослабевать, что наглядно иллюстрирует собранный К. Уоткинсом материал о вариантах корня **luk-* [Watkins 1971: 69]:

Таблица 2

Имя	Примеры	Глагол	Примеры
<i>*l(e)uk-é / -ó-</i>	греч. <i>λευκός</i> ⁷ , вед. <i>rusá</i> ‘белый, светлый’	<i>*léuk-e / -o</i>	вед. <i>rócate</i>
<i>*leuk-to</i>	др.-в.-нем. <i>liochi</i> ‘свет’ ⁸	<i>*luk-tó</i>	хетт. <i>lukta</i>
<i>*leuk-ó-to</i>	гот. <i>liuhap</i> , хетт. <i>lukat</i> ‘свет’ (‘утро’)	<i>*luk-o / -e-to</i>	хетт. <i>lukkatta(t)</i>

Кроме того, хетт. глагол *lukkizzi*, по-видимому, репрезентирует полную ступень корневого вокализма. Оппозиция же полной и нулевой ступени также иногда реализовалась как оппозиция длительного и однократного действия. В древнегреческом с помощью нулевой ступени образуется тематический аорист: *κτείνω* — *ἐκτανον* ‘убивать’, *πέρω* — *ἐπρωον* ‘разрушать’; аорист с нулевой ступенью может быть непреходящим: *ἐρείπω* ‘ударять’ — *ἐρίπον* ‘я упал’, *ἐρείχω* ‘разрушать’ — *ῥήριχον* ‘я разрушился’, *τρέφω* ‘кормить’ — *ἔτραφον* ‘я вырос’. Индийские презенсы с нулевой ступенью (тип *tudāti*, или VI класс) иногда в контексте могут приближаться по значению к аористам:

- (36) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ
dákṣam te bhadrám ābhārṣam pārā yáḁṣmaṁ suvāmi (RV X 137, 4)
 ‘доброе и светлое я тебе принес, лихорадку изгоняю / изгнал’.

Л. Рену [Renou 1925] полагает, что параллелизм глаголов позволяет приписать др.-инд. презентной форме *suvāmi* аористическое значение. Возможна и такая интерпретация. Форма *ābhārṣam* обозначает действие, завершенное перед началом основного действия, *suvāmi* — приближение к критической точке. В другом приведенном Л. Рену примере однородность претерита и презенса бесспорна:

⁷ В греческом варианте **léuke-* преобразовался в активный глагол *λέωσσω* < **λεωχω* ‘видеть’. Такова судьба большинства форм на *-e* в древнегреческом: они перешли в активное тематическое спряжение.

⁸ Древневерхненемецкое и готское имена суть абстрактные понятия. Поэтому в них ударение, как показывает закон Вернера, стоит слева от суффикса. Тем же объясняется и их полная ступень.

(37) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

*kaṁadyúvaṁ vimadāyohathur yuvāṁ viṣṇāpívam víśvakāyāva **sjathah*** (X 65, 12)
 ‘вы привели Камадью к Вимадайе, Вишнапу к Вишвакайю вы пустили’.

Презенсы с нулевой ступенью обозначают терминативное действие / процесс, который в контексте может сжаться до критической точки⁹.

2.7. Флексия **-tó* в сочетании с нулевой ступенью корня является аспектообразующим элементом. Оппозиция **-é / -tó* может быть восстановлена и для глагольных имен. Окситонные имена можно разделить на два класса: корневые и маркированные суффиксом структуры -CV-. Первые нейтральны в отношении аспекта: вед. *rusá* ‘блестящий’, *yodhá* ‘воин’, греч. *φορός* ‘несущий’, *τροχός* ‘колесо’, *τομός* ‘нож’. Вторые же тяготеют к выражению завершенного претерпевания. В балто-славянском они образуют страдательные причастия прошедшего времени: лит. *i-piltas* ‘наполненный’, слав. *бумъ*; в других языках — пассивные прилагательные: греч. *σχιστός* ‘расщепленный’, др.-инд. *jātāh* ‘рожденный’. В древнеирландском отчетлива оппозиция пассива презенса **-er* и перфекта **-to-*: *no-berar* (< **nu-bhere-r*) ‘он несом’ — *ro-bert* (< **(p)ro-bher-to*) ‘он принес’¹⁰. Функциональное сходство медиопассивного претерита и причастия на *-tó-* наглядно демонстрирует следующий ведический контекст:

(38) ВЕДИЙСКИЙ САНСКРИТ

*brāhmaṇo ‘asya mūkham āsīd bāhū rājanyāh **kṛtāh** / ūrū tād āsya yād vaiśyāh padhbhyām śūdrō **ajāyata** / candrāmā mánaso **jātās** cāksoh sūryo **ajāyata*** (RV X 90, 12—13)
 ‘рот стал брахманом (глагол), руки царями сделались (причастие), из бедер вайшьи [родились], из ног шудры родились (глагол), из духа родилась (причастие) луна, из глаз его солнце родилось (глагол)’.

2.8. Итак, значение и функционирование хетт. *artari* объясняется не пережитками инактивного строя, а сложным комплексом причин. Иными словами, по крайней мере два аргумента в пользу реконструкции активного строя оказываются недостаточно убедительными.

На несколько иных основаниях к сходным выводам пришла Б. Дринка [Drinka 1999]. Она отметила некоторые существенные несоответствия индоевропейского праязыка эталону активного строя и прежде всего гораздо большую свободу в сочетаниях субъекта и предиката. Со ссылкой на статью Дж. Никольс [Nichols 1992] Б. Дринка подчеркивает, что языки активного строя характеризуются маркированностью главного члена предложения (head-marked), тогда как праиндоевропейский, наоборот, отличался маркированностью зависимого члена предложения (dependent-marked). Также в индоевропейских языках существуют специальные способы маркирования определения: оно может стоять в косвенном падеже или приобретать специальный аффикс (как правило, постпозитивный); именно так образованы балто-славянские членные прилагательные, отличающиеся от простых своей подчеркнутой определительностью (а значит, непредикативностью). Что же касается слабой представленности глагола ‘иметь’, то, как отмечал Э. Бенвенист [1974], этот глагол принадлежит к числу поздних во многих языках мира.

Вообще Б. Дринка в своем исследовании руководствуется чрезвычайно плодотворным, на наш взгляд, тезисом: чистых типологических типов не существует. Это значит, что в одном языке могут сосуществовать черты различного строя предложения. И «неэталонные» черты могут порой проявляться в языке неожиданно. Например, в русских именных

⁹ Мы оставляем в стороне вопрос об изначальной семантике аориста в Ригведе. См. об этом [Gonda 1957; Dahl 2010].

¹⁰ Пассивное причастие в претерите иногда меняет свой залог и становится показателем актива. По-видимому, дентальный суффикс прошедшего времени в германских языках является по происхождению таким же причастием.

конструкциях давно уже были установлены явления, напоминающие эргативное предложение. Если при имени действия стоит только один актанта, то он маркируется родительным падежом, будь то субъект или объект действия (*посещение отца* может быть трансформом двух различных предложений: *Отец посетил кого-либо* и *Кто-либо посетил отца*). Если же при отглагольном имени присутствуют имена, обозначающие субъект и объект, то первый оформляется иначе, с помощью творительного падежа: *посещение отцом сына* vs. *посещение сыном отца*. Изучившие это явление А. С. Чикобава [1952] и В. Г. Гак [1972] с полным основанием видели здесь аналог эргативного строя. Но это, конечно, не значит, что русский язык относится к эргативным. Черты различного строя сосуществуют в одном языке. Автор этих строк предположил, что подобные «эргативные» черты языка развиваются там, где глагольная морфология утратила залоговую оппозицию: так, отглагольное имя в русском языке может означать и действие, и претерпевание [Красухин 2013].

2.8.1. Именно с этой точки зрения, на наш взгляд, и следует рассматривать проблему хеттского «эргатива», которая собрала довольно значительную литературу. Исследовавший первым это явление Э. Ларош отметил, что имена на *-nt-* в хеттском вовсе не обязательно коллективные¹¹. Упомянутые в начале нашей работы хетт. *eshananza*, *ietenanza*, *sehunanza* обозначают вполне единичные сущности (в отличие от коллективных имен типа *uiddār* < **u(e)dōr* ‘воды’). Следовательно, основная функция этих имен — выражение субъекта при переходных глаголах. Имена же среднего рода вообще, как мы уже отмечали, редко занимают позицию подлежащего. По данным Э. Лароша [Laroche 1962: 38—39], большая группа имен, обозначающая неодушевленные предметы и абстрактные понятия (хетт. *pahhur* ‘огонь’, *eshar* ‘кровь’, *huuassi* ‘стела’, *taru* ‘дерево’, *nepis* ‘небо’, *tekan* ‘земля’ — всего 19 имен), может быть субъектом только в именных предложениях и при предикатах типа ‘быть, иметь место, становиться’, а также ‘гореть’ (огонь), ‘течь, брызгать’ (кровь), ‘сохнуть’ (дерево). Таким образом, оппозиция имен на *-ant-* и среднего рода могла носить синтаксический характер. Можно сказать и так: суф. *-ant-* снимает ограничения на сочетаемость, накладываемые лексическим значением имени.

Причину такого распределения Ларош видит в воздействии суб- и адстрата. Следует заметить, что в адстратном хурритском языке строй предложения определяет эргативная конструкция, так что в нем абсолютным падежом маркируется субъект и стативного, и активного, но не переходного глагола: а) хуррит. *aste un-ett-a* ‘женщина шла’; б) *senniwwu-s aste sar-us-a* ‘мой брат позвал женщину’. В предложении (а) субъект выражен нулевой флексией имени, а глагол снабжен показателем субъектного спряжения *-a*; в предложении (б) субъект маркирован эргативным аффиксом *-s*, объект стоит в абсолютиве, а глагол имеет показатель переходного претерита *-us-* и субъекта *-a*. Сам Ларош, приводя хурритские параллели, отрицает возможность их непосредственного влияния на хеттский «эргатив»: контакты хурритов с анатолийцами начинаются примерно с XVI в. до н. э., тогда как указанное явление следует отнести к общеанатолийской эпохе (не позже III тыс. до н. э.). Дело в том, что имена на *-nt-* с подобной же функцией суффикса имеются и в лувийском: *tarusa-* vs. *tarusant-* ‘статуя’, также *tapassanti* ‘небо’ (= хетт. *nepis* / *napisanza*), *tiiamanti* ‘земля’ (хетт. *tekan*) [Laroche 1962: 43]:

(39) лувийский

assa-mma elelhandu tainati mallitati tainatii-ata malli aiaru tarapuua hurita tatariiamna / assa-tti elhadu tapassantis tiiammantis taintiiata aiaru malli-tii-ata aiaru (KUB XXXV 54 II 42—44)

‘пусть они смоют масло и мед с губ, масло и мед превращаются в яд, ложь, проклятие; пусть небо и земля сотрет это с губ, превращаются (так) масло и мед’.

¹¹ В отличие от тохарских, где с помощью суф. *-nt-* образуются множественные числа: *akru* ‘слеза’ — мн. ч. *akrunt*, тох. A *wal*, B *walo* ‘царь’ — мн. ч. AB *lant*.

Таким образом, имена с суф. *-ant-* обозначают не просто землю и небо, но сущности, наделенные магической силой. Также отметим, что лувийскому деривату *tīammanti* соответствует хеттский композит *tagan-zipa*. Это говорит о том, что общая тенденция к образованию одушевленных имен для выражения активных сущностей могла реализоваться в разных анатолийских языках по-разному. Сравним еще: хетт. ^E*hilammar* (ср. р., гетероклитическая основа) ‘крепостные ворота’ — *hilamnanza* (общ. р., производное) ‘то же’ (KUB XVII 10 IV 11) — ^d*hilarzipa* ‘дух двора’ (композит).

2.8.1.1. Клод Чехофф [Tchekhoff 1978] полагает, что хеттский «эргатив» — это общендоевропейское наследие, а суф. *-ant-* выполняет функцию перевода имен в разряд одушевленных. В приводимых им типологических параллелях особенно примечательно то, что во многих языках эргативного типа неодушевленные и одушевленные имена-агенты маркируются по-разному. Так, в баскском языке возможна конструкция, где *-k* — показатель эргатива, *-kin* — инструментalia, а *motikwa* ‘мальчик’ — основа имени без выраженного грамматического показателя:

(41) БАСКСКИЙ

<i>gisona-k</i>	<i>ildu</i>	<i>motikwa</i>	<i>kanita-kin</i>
человек-ERG	убивать-PRET	мальчик-ABS	камень-INSTR

‘Человек убил мальчика камнем’.

Показательно, что имя *kanita* не может сочетаться с окончанием эргатива, поэтому его эргативность выражена флексией инструментalia. В адыгейском языке с показателем эргатива могут сочетаться имена, обозначающие постоянную действующую силу:

(42) АДЫГЕЙСКИЙ

а. *šəble-m* *soəzə-r* *ye-wəč’ə-g*
 молния-ERG женщина-ABS SUB-убивать-PRET
 ‘Молния женщину убивает’;

б. *šežeye-m* *ye-wəč’ə-g* *’ale-r*
 нож-ERG SUB-убивать-PRET мальчик-ABS
 ‘Нож поразил мальчика’.

Но если перед нами имя, для которого действие не является основной функцией, то оно не может стоять в эргативе. В адыгейском был бы невозможен оборот **šəgə-m ye-wəč’ə-g l’ə-r* ‘Дерево убило человека’, но только *šəgə-r q’əyš’əy l’ə-r ye-wəč’ə-g* ‘дерево (+ артикль) упало, человек (+ артикль) убить (= человека убило)’. При наличии одушевленного субъекта-агенса орудийное имя получает дополнительный показатель инструментalia:

(42) АДЫГЕЙСКИЙ

в. *l’ə-m* *pxa’ase-m-č’e* *šəgoə-r* *ye-zoe*
 человек-ERG плуг-ERG-INSTR земля-ABS SUB-обрабатывать
 ‘Человек плугом землю обрабатывает’.

Как можно понять, К. Чехофф предполагает существование подобной эргативной конструкции и в праиндоевропейском. Однако различие неодушевленных и одушевленных имен свойственно отнюдь не только эргативным языкам. В русском языке неодушевленные имена свободно стоят в позиции субъекта, но трансформационные тесты (перевод сказуемого в пассив и безличную форму) показывают глубокое отличие орудийных имен от имен подлинного деятеля, ср.:

(43) а. Мужчина убил женщину

→ Женщина убита мужчиной vs. *Женщину убило мужчиной;

б. Молния убила человека → Человек убит молнией + Молнией убило человека.

Типологическое отличие русского языка от адигейского состоит в следующем. Второму типу трансформации (творительный падеж при безличном глаголе) подвержены только те неодушевленные имена, которые возможны в ситуации стихийных событий. Например, предложение *Топором убило человека* возможно лишь в том случае, если топор случайно упал сверху на человека (а не был направлен кем-то). И совершенно невозможна трансформация сказуемого в безличный глагол при одушевленном субъекте.

2.8.1.2. Э. Бенвенист, опубликовав свою работу о хеттских именах на *-ant-* в том же номере журнала «BSLP», что и Э. Ларош, существенно откорректировал его выводы. Он показал, что эти имена не могут быть отождествлены со стоящими в эргативном падеже. Во-первых, суф. *-ant-* очень редко присоединяется к одушевленным именам. Во-вторых, он как настоящий суффикс распространился на всю основу, так, номинативу *hameshanza* ‘весна’ соответствует генитив *hameshandas*, датив *hameshandi*, аккузатив *hameshandan*; то же относится и к другим именам. В-третьих, тот же суффикс присоединяется и к основам имен несреднего рода: *tuzzi* ‘войско’ — *tuzziianza*, *tuekkas* ‘тело’ — *tuekkanza* ‘союз’, *sazza* ‘ложе’ — *sastanza* (встречается и в виде шумерограммы ^{GIS}INA-*anza*)¹². В-четвертых, бросается в глаза производность основ, к которым присоединяется этот суффикс: *eshar* — *eshanas* — *eshananza*, *pir* — *parnas* — *parnanza*, *hastais* — *hastiias* — *hastiianza* ‘кость’ (первая форма — номинатив, вторая — генитив, в котором представлена основа косвенного падежа). Таким образом, имена на *-ant-* не могут быть отождествлены с падежными формами: это обычный словообразовательный класс. Примеры Лароша, как подчеркивает Бенвенист, действительно указывают на то, что имена на *-ant-* переходят в общий род и обозначают активно действующие сущности. Но в этом качестве они могут свободно сочетаться с именами без данного суффикса:

(44) ХЕТТСКИЙ

taganzipas huimpas É. ŠÁ-nanza GUNNI-anza 4 halhaldummariias éhilas KÁ (GAL)
^{HLA}*-as arha tarandu* (KUB VII 41 I 19—21)

‘земля, брус (?), комната, прихожая, четыре колонны пусть их прочь отпустят!’

Здесь есть группа имен на *-ant-*, форма *taganzipas* (*tagan* — косвенная основа от *tekan* ‘земля’ + *-zipas* < *sepa* ‘дух’), но также и простые имена *huimpas*, *halhadummariias*. Далее, принципиальное значение имеет то обстоятельство, что имена на *-ant-*, обозначающие части тела и постройки, часто встречаются в двух определенных текстах: первые — в KUB IX 4, вторые — в KUB XVII 10 IV. Оба текста представляют собой ритуалы, где эти сущности фигурируют как активно действующие силы, объекты просьб и ожиданий:

(45) ХЕТТСКИЙ

а. *parnanza tarnau* (строка 9)

‘дом да отгонит (злые силы)’;

¹² Об этом говорил еще Й. Фридрих [1952: § 53]: суф. *-ant-* иногда модифицирует значение имени, иногда нет. Согласно Г. Кронассеру [Kronasser 1966: 263], первичные имена и производные с *-nt-* можно разделить на три группы. 1. Первичные среднего рода vs. производные общего рода: хетт. *antuhsatar* ‘страна, село’ — *antuhsannanza* ‘страна; село; население’, *lingai* — *linkiiant* ‘клятва’, *happes-sar* — *happisnant-* ‘член, часть тела’, *ishuiuan* — *ishuiuanza*, *hapusa* — *hapusanza*, *harganan* — *hargananza* (и имя общего рода *hargananis*) ‘то же’, *tapuiuas* — *tatuuasanza* ‘сторона; ребро’. 2. Первичное и производное имя общего рода: *sankuuias* — *sankuiuanza* ‘ноготь’, *kalulupa-* — *kalulupant* ‘палец’. Показателен пример ^{LU}*sankunni* — *sankiniiant-* ‘жрец’, имя, заимствованное из шумерского ^{LU}SANGA (возможно, через аккадское *šangu*). 3. Первичное имя обнаруживает колебания, форма *-ant-* — только общего рода: *lutta* — *luttant* ‘битва’. Таким образом, перед нами обычное явление: утеря семантической оппозиции у некоторой части первичных и производных имен. Впрочем, в этой связи и Ларош, и Кронассер подчеркивают, что имена на *-nt-*, образованные от одушевленных, встречаются в молитвах и текстах о жрецах.

- б. ^{GIS}*luttanza tarnau* (строка 10)
‘окно да отгонит’;
- в. *hīlammanza tarnau* (строка 11)
‘ворота да отгонят’.

Такое же значение имена на *-ant-* имеют в (46).

ХЕТТСКИЙ

- (46) *nu alpas GIG-an UL tarahzi n-an-za ser nepisanza tarahdu kattān-a-za MI-is KI-as (= ta-ganzīpas) tarahdu* (KUB XVII 8 IV 9—10)
‘И заклинание болезнь не побеждает. Пусть ее небо победит, пусть внизу ее темная земля победит!’ [Laroche 1962: 37]
- (47) *n-us attas nepisanza EGIR-an tarna* (KUB XV 34 IV 32)
‘и их, о отец-небо, назад забери!’ [Ibid.]

Иными словами, функцию суф. *-ant-* вслед за Бенвенистом можно определить как персонифицирующую, проявляющуюся прежде всего в магических обрядах. Это связано, очевидно, с тем, что надделение неодушевленных предметов одушевленностью мыслилось как магия. Сравним эти конструкции с процитированной лувийской.

2.8.1.2.1. В пользу наличия в хеттском эргативной конструкции решительно высказались Х. Хоффнер и К. Мельчерт [Hoffner, Melchert 2008: 72 ff.]. Они рассматривают ее как своеобразный вариант расщепленной эргативности (split ergativity), затрагивающей только имена среднего рода и коллективные: от ^{SAL}*hazkara* (общ. р.) ‘женщина в храме’ (основа *hazkari* / *ai-*) образовано коллективное имя ^{MUNUS.MES}*hazkari-* (ср. р.) ‘группа женщин-музыкантов в храме’, суф. *-ant-* переводит это имя в общий род: ^{MUNUS.MES}*hazkarāiianza*. Но и коллективное имя, относясь к среднему роду, обозначает одушевленную сущность; следовательно, суффикс меняет не значение, а только род имени. Напротив, имена общего рода, даже и обозначающие неодушевленные сущности, не нуждаются в таком суффиксе: *aimpa* ‘ноша’, *agala* ‘борозда’, *peruna* ‘скала’, *aruna* ‘море’ и т. д. Они могут сочетаться с переходными глаголами без ограничения. Строй синтаксиса в хеттском авторы определяют как расщепленно эргативный, так как эргативная конструкция характерна только для имен среднего рода, тогда как имена общего рода и местоимения образуют номинативно-аккузативную конструкцию. Заметим, что такая расщепленная эргативность для индоевропейских языков типологически выглядит довольно уникальной. Как правило, «split» распределяется по глагольным временам: номинативно-аккузативное предложение в презенсе, эргативное в претерите. Таков синтаксис хинди, маратхи и некоторых других новоиндийских языков [Елизаренкова 1967], новоперсидского, курдского и некоторых других новоиранских языков [Пирейко 1967]. Иными словами, эргативная конструкция развивается на базе временной системы (ср. с типологическими параллелями [Dixon 1994: 97—101]). Особенно разнообразны субъектно-объектные отношения в грузинском, где в трех основных временах присутствуют три различных строя предложения (номинативный в презенсе, эргативный в аористе, посессивный в перфекте).

По мнению А. Хэррис и Л. Кемпбелла [Harris, Campbell 1995: 243—249], эргативная конструкция в неэргативном языке развивается на базе пассива (в новых индийских и иранских языках) и номинализации (авторы приводят пример из карибских индейских языков; мы выше указали сходные конструкции в русском языке); ср. [Dixon 1979]. Напротив, антипассив приводит к устранению эргативной конструкции. Для хеттского же языка вводится понятие «переосмысление инструменталей как эргатива» (см. ниже). Отметим, что эргативная конструкция в новых индоевропейских языках развивается с учетом всех факторов: при пассивных страдательных причастиях прошедшего времени совершенного вида.

Р. Диксон [Dixon 1994] обращается и к расщепленной эргативности, развившейся благодаря особенностям семантики имен и местоимений. Он опирается на так называемую

именную иерархию (*nominal hierarchy*), то есть список имен и местоимений, наиболее и наименее способных исполнять роль агенса, субъекта в эргативном предложении [Silverstein 1976]. В интерпретации Диксона она выглядит так: местоимение 1 л. > 2 л. > указательное местоимение, 3 л. > собственные имена > нарицательные имена со следующей градацией: имена людей > одушевленные > неодушевленные. Рассматривая типы расщепленной эргативности, исследователь показывает, как во многих языках местоимения образуют номинативную конструкцию, имена — эргативную, у одушевленных имен и местоимений появляется особая форма для выражения прямого дополнения, отличная от абсолютного падежа (как правило, маркирующегося нулевым окончанием). Однако примеров перехода из неактивного класса в активный (без существенного изменения семантики) Диксон не приводит.

Таким образом, хеттская эргативная конструкция выглядит необычно. Г. Хоффнер и К. Мельчерт возражают несогласным с необходимостью ее постулировать следующим образом. Отсутствие специальных показателей для переходного спряжения связывается именно с «расщепленным» характером хеттской эргативности (что несколько спорно, см. ниже). Хоффнер и Мельчерт также стараются дезавуировать аргумент о том, что суф. *-ant-* является словообразовательным: необходимым условием его появления у имен среднего рода они считают наличие переходного сказуемого, которое не может сочетаться с подлежащим среднего рода. Именно в данной функции суф. *-ant-* является грамматическим показателем. Положение о хеттском эргативном падеже принято в словаре А. Клуххорста [Kloekhorst 2008].

2.8.1.2.2. Аргументы Хоффнера и Мельчерта (и некоторых других исследователей) повторены в работе [Teffteller 2015], где сделан весьма примечательный вывод. Суф. **-ont-* в качестве специальной морфемы несреднего рода и тем паче показателя эргативного падежа не засвидетельствован ни в одной группе индоевропейских языков, кроме анатолийской. Такую его функцию следует считать инновацией. Она возникла, очевидно, в тот период, когда анатолийский праязык отделился от общеиндоевропейского. Предлагались два маршрута прихода индоевропейцев в Малую Азию: через Балканы и Кавказ. На Кавказе существует большое количество языков эргативного строя; очевидно, именно контакт с ними развил в хеттском начатки эргативной конструкции. Такая постановка вопроса, разумеется, ставит точку в дискуссии о «дономинативном прошлом» праиндоевропейского языкового состояния: если бы оно действительно имело место, едва ли праанатолийскому языковому состоянию понадобилось превращать изначально словообразовательный суф. **-ont-* в показатель эргатива. Скорее бы старые падежные флексии **-s* и **-m/-Ø* функционировали как эргативный и абсолютный падежи.

Допустим, что поддержанный А. Теффтеллер и наиболее распространенный взгляд на локализацию индоевропейской прародины ошибочен; праиндоевропейцы были аборигенами Анатолии — западной [Renfrew 1987] или восточной [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Изменит ли это взгляд на реконструкцию дономинативного строя? Едва ли. Основные противоречия остаются в силе. Сформулируем их так.

А. Большинство реконструкций праиндоевропейского эргативного или активного строя признают **-s* окончанием эргативного / активного падежа, **-m/-Ø* — абсолютного. Но хеттский, как и другие индоевропейские языки, не обнаруживает следов подобного распределения.

Б. Единственной чертой, которая может восходить к дономинативному прошлому, в хеттском является невозможность функционирования имени среднего рода как субъекта при переходном глаголе.

В. Для преодоления такой невозможности используется изначально словообразовательный суф. *-ant-*, имеющий широкий спектр значений в хеттском.

Г. Подобное его употребление не зафиксировано в других группах индоевропейских языков. Иными словами, пережиточное значение выражено новым грамматическим способом. Это возможно лишь в условиях языкового контакта. В случае автохтонности анатолийцев все равно следует предположить влияние соседних языков. Но приход индоевропейцев из Северного Причерноморья через Кавказ в Малую Азию подтверждается множеством

археологических и лингвистических данных. И развитие эргативных черт в анатолийских языках объясняется именно контактами их общего праязыка с северокавказским адстратом.

2.8.1.3. В хеттском существовали различные способы одушевления неодушевленного имени: словосложение (*tagan-zipa*), суф. *-ant-* и тематизация (с флексией *-s*). Здесь прежде всего необходимо отметить имя *parnas*, производное от *pir* ‘дом’ и синонимичное *parnanza*; в КВо X 45 IV возможны разночтения [Laroche 1962: 31]:

- (48) ХЕТТСКИЙ
kassa-za URU-az (= -as) parnanza (var. *parnas-sa*) UDU.A. LUM DU-ru nu LIL-ri
 MI-in KI-an argaru
 ‘пусть город и этот дом¹³ в козла обратятся, и пусть темную землю в степи будут рыть!’

Другой пример перехода имени в одушевленный класс путем тематизации — *pahhuenas*, форма, являющаяся одновременно генитивом от *pahhur* ‘огонь’ и тематическим номинативом (49a). Эта форма вполне синонимична основе на *-ant-* (49б):

- (49) ХЕТТСКИЙ
 а. [*man*] *antuhs[an] huuahh[furtin] p[ah]huenas epzi* (KUB VIII 36 VsIII 1—2)
 ‘когда человека за горло огонь берет’ [Tchekhoff 1978: 229];
 б. *mān...* ^DIM-*as man-an ualahzi pahhuenanza man-an arha uarnuzi* (КВо XXXII 14 I 6—8)
 ‘но, когда бог Тешшуб ее [гору] разрушит, огонь ее полностью сожжет’ (хетто-хурритская билингва).

На этот грамматический способ следует обратить особое внимание. Дело в том, что тематизация как способ образования одушевленных имен достаточно распространена в хеттском языке. Такие имена соотносятся с первичными атематическими в плане содержания как имя носителя признака с именем самого признака, имя члена класса с именем класса: *uastul* ‘грех’ — *uastulas* ‘грешник’, *taiazil* ‘кража’ — *taiazilas* ‘вор’ [Фридрих 1952: 131]. Такое же значение имеет тематизация имен и в других индоевропейских языках [Krasuchin 1996: 61—62]. Следовательно, *pahhuenas* изначально было именем индивида, входящего в класс, обозначаемый именем *pahhur*. Такая несложная параллель помогает понять и функции имен на *-ant-* в хеттском. Очевидно (это можно заключить по аналогии с именами на *-as*), такие имена обозначали единичные и структурированные предметы, в отличие от первичных имен, указывавших на более расплывчатые сущности. Возможность такого развития функции этого суффикса подтверждается и внешним сравнением. Он, по-видимому, является расширением простого суф. **-n-*¹⁴, который образует в древнегреческом имена собственные: *φίλος* — *Φίλων*, *Ἀγαθός* — *Ἀγαθών* [Solta 1958]. Он же может образовывать и имена одушевленных сущностей (лат. *humus* ‘земля’ — *homo* < **hemōn* ‘человек’; по тому же типу образовано и др.-ирл. *duine*). Иными словами, индивидуализирующая функция этого суффикса несомненна.

Отметим и следующее. Большинство производных имен на *-ant-* известно в форме именительного падежа. Косвенные падежи образуют следующие имена: хетт. *kāsza* ‘го-лод’ (производное на *-nt-* — в аккадо-хеттском словаре *kastanza* ‘голод’ и инструментале *kisantit*, ср. (50); *hamesha-* ‘весна-раннее лето’, *zena-* ‘лето-ранняя осень’, *gima-* ‘зима’.

¹³ Здесь имя *parnanza* / *parnas* соединено с вполне неактивным предикатом DU-ru (= *kisaru*) ‘пусть сделается’.

¹⁴ Суф. *-n-*, подобно *-nt-*, может выступать и как причастный: греч. *κτιζω* ‘населять’ — микен. *kitiesi* = *κτιενσι* (PY Na 520) ‘они населяют’, репрезентирующее чистую основу *κτι-* (ср. др.-инд. *kṣiyānti* ‘они живут’) — отглагольное имя *περιχτιόνες* ‘переселенцы’.

У некоторых формы без *-nt-* встречаются только в косвенных падежах: род. п. *hameshas*, дат.-мест. *hameshi*, абл. *hameshiiaz*; дат.-мест. *gim(m)i*.

- (50) хеттский
kistantit harkiianzi (KUB XVII 10 I 17—18)
 ‘с голоду умирают’

Представим материал в виде таблицы 3 (*gimm-* ‘зима’, *hamesha-* ‘весна-раннее лето’, *zena-* ‘позднее лето-осень’, *kast-* / *kist-* ‘голод’).

Таблица 3

Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>	Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>	Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>	Без <i>-nt-</i>	<i>-nt-</i>
N. —	<i>gimmanza</i>	—	<i>hameshanza</i>	—	<i>zenanza</i>	<i>kāsza</i> , <i>kaszas-a</i> ¹⁵	—
G. —	<i>gimmantas</i>	<i>hamēshas</i>	<i>hameshandas</i>	<i>zēnas</i>	<i>zenandas</i>	—	—
D.-L. <i>gimmi</i> , <i>giemi</i>	<i>gimmanti</i>	<i>hameshi</i>	<i>hameshanti</i>	<i>zēni</i>	<i>zenanti</i>	<i>kasti</i>	—
A. —	<i>kimmantan</i>	<i>hameshan</i>	<i>hameshantan</i>	—	—	<i>kastan</i>	—
I. —	—	—	—	—	—	<i>kasstit-a</i>	<i>kistantit</i> ¹⁶
Ab. —	—	—	—	—	—		—

Имя *kast-* относится к общему роду, родовая же принадлежность *gimm-*, *hamesha-*, *zēna-* неизвестна. Суф. *-nt-* здесь явно служит для перевода этих имен в одушевленный род. Заслуживает внимания то, что именно такие имена морфологически активны.

Формы датива-локатива без *-nt-* выступают в качестве наречий: *hameshi / zeni / gemi kisari* ‘это случается весной / осенью / зимой’. Как подлежащие же функционируют формы с *-nt-*: *mān hameshanza / zenenza / gimanza kisari* ‘весна / осень / зима настает’. В ведическом санскрите можно наблюдать похожую картину: имена времен года без суф. *-nt-* обозначают только соответствующее время, с суффиксом — также времена, выступающие как потенциально активные сущности. С одной стороны — *vāsar* ‘весной’, *heman* ‘зимой’, с другой — *śatām jiva śarādo vārdhamantaḥ śatām hemantan chatām u vasantan* (X 161, 4) ‘(пусть) живут сто лет процветающих, сто зим, сто весен’. Суф. *-nt-* в ведическом вовсе не грамматикализован; снабженные им имена *hemantaḥ*, *vasantaḥ* свободно сочетаются с *śarādaḥ*.

В общем, ни хеттский суф. *-ant-*, ни его прототип не отражают доминантивного прошлого в праиндоевропейском. Скорее, можно говорить о том, что в хеттском этот именной индивидуализирующий персонифицирующий суффикс стал более грамматичным, чем в праиндоевропейском. Это, в полном согласии с теорией смешанных типов языка, создало конструкции, напоминающие активный строй предложения. В последнем по времени описании этого суффикса Ф. Юзефсон [Josephson 2004] выделяет следующие его функции: индивидуальная и топиализующая. Так автор разъясняет разницу между *murtanza / murta* ‘род древесины’ в тексте из Машата, ср.:

- (51) хеттский
 а. *zik-mu m^mzus ŠEŠ.DUG.G[A-YA] murtanza EGIR-pa... hatrai* (72 rev. 34 ff.)
 ‘ты, брат мой Цус, пиши мне на тему *m.*’;
 б. *nasta murta tuelma karassandu* (obv. 9)
 ‘и твою *m.* пусть они спилят’.

Таким образом, Юзефсон видит здесь обособление, выделение имени с помощью суф. *-ant-* как потенциально субъектного. В сочетании с прилагательными он тоже придает им оттенок индивидуализации, ср.:

¹⁵ *-a* — утвердительный постфикс ‘и’.

¹⁶ Основа со ступенью *-e-* производна, как и *uitenant-* от *uatar*.

(52) ХЕТТСКИЙ

а. *dannarandan* DUG.GAL *harzi* (KUB XX 25 obv. 11—12)
 ‘он держит бокал пустым’;

б. III GAL GIR₄ *dannaras danzi nu* 1-EN GAL GIR₄ *IŠTU GEŠTIN sunanzi* (KBo II 4 II 7—8)
 ‘берут три пустых бокала и одну вином наполняют’.

На этом примере остановимся несколько подробнее. Ф. Юзефсон видит здесь «специализирующее» значение суф. *-ant-*; из его примера и интерпретации (*dannarandan* ‘an empty one’ при наличии определяемого) следует только то, что прилагательное приобрело оттенок предикативности. Видимо, это развитие значения единичности и особи.

Интересной особенностью хеттского, как мы отмечали, является наличие пассивных причастий на *-nt-*. Очевидно, это значение, при всех его противоречиях с данными других языков, является развитием общей идеи принадлежности, которая просматривается в этом суффиксе. Ср. **ker-* ‘рог’ — нем. *Rind* (< **kr-ent-*) ‘рогатый скот’, др.-инд. *jarant-* (греч. *γέρων, οντος*) ‘старик’ (*járatī* ‘разрушать, делать хрупким, старым’), лит. *lŷnanti dienà* ‘дождливый день’; см. подробнее [Watkins 1969: 142—145; Schmalstieg 1984: 11]. Эти авторы полагают, что хеттский сохраняет здесь архаизм, однако Г. Курцова [Kurzová 1999: 511—512] справедливо указывает на то, что отглагольные имена часто оказываются амбивалентными в отношении диатезы¹⁷.

Вообще для анализа значения суф. *-ant-* в хеттском полезно вспомнить теоретические основы изучения словообразования, выработанные в рамках Московской фортунатовской школы. Существуют две разновидности словообразования: **деривация**, или создание слов для новых понятий, и **моция**, или создание слов для иных классов известных понятий [Широков 2003: 261 и сл.]. К моционному типу словообразования относятся: имена с уменьшительно-ласкательным суффиксом, имена со значением существ иного пола: *кум* — *кума*, *лис* — *лиса* / *лисица*, *продавец* — *продавица*. Сюда же можно отнести и супплетивизмы типа *брат* — *сестра*, *мать* — *отец*. Между дериватами и моционными формами нет непреходимой границы. Если имя *венгерка* обозначает женщину венгерской национальности, то оно связано с словом *венгр* отношениями моции. В значении же ‘слива’, ‘род танца’, ‘куртка со шнурами’ оно является безусловным дериватом. И именной суф. *-ant-* в хеттском может быть охарактеризован как моционный, переводящий имена из среднего рода в общий. Но он может выступать и в качестве деривационного: *utne* (ср. р.) ‘страна’, а производное *utneiiant* и может означать ‘страна’ (общ. р.) и ‘население’.

2.8.2. Вопрос о хеттской эргативной конструкции специально рассматривался в статье А. Гаррета [Garrett 1990], который пришел к выводу о переосмыслении здесь инструменталю, именуя таковым, впрочем, аблатив. Логика Гаррета такова: форма в данном падеже выражает именно орудийную функцию, что характерно для неодушевленных имен при предложениях с неактивными (неодушевленными) субъектами: хетт. *n-at uitenanza parkunuzi* ‘это водой очищается’ → *n-at uitenanza parkunuzi* ‘это вода очищает’. Заметим, что форма *uitenanza* — это и не аблатив. Однако пока оставим эти возражения для того, чтобы оценить идеи Гаррета в целом. Он исходит из того, что инструменталь при переходных глаголах играет роль добавочного действия и при трансформации может сделаться основным деятелем:

(53) *John opened the door with the key* → *The key opened the door.*

‘Джон открывает ключом дверь’ → ‘Ключ открывает дверь’.

¹⁷ Таким образом, развитие из одной формы глаголов как действительного, так и страдательного залога демонстрируют не только реконструированные тематические протоглаголы типа **lik^hé* (у Куриловича) или **g^hené* (у Уоткинса), но и вполне реальные причастия с суф. *-nt-*. Сюда же можно прибавить и герундий в английском.

Такие имена орудий и переосмысляются как эргатив. А. Хэррис и Л. Кэмпбелл возражают против его утверждения о том, что подобную трансформацию имена могут претерпеть только при переходных глаголах, указывая на ее возможность и при абсолютном употреблении подобных глаголов [Harris, Campbell 1995: 420]:

- (54) а. *John writes with the pen* → *This pen writes well*.
 ‘Джон пишет ручкой’ → ‘Эта ручка пишет хорошо’.
- б. *John cuts with the dull knife* → *This dull knife cuts poorly*.
 ‘Джон режет тупым ножом’ → ‘Этот тупой нож режет с трудом’.

Заметим также, что подлежащие в трансформированных предложениях суть орудийные имена, но стоят отнюдь не в творительном падеже. Он выражен предлогом *with*. Очевидно, Гаррет понимает инструментальность шире — как имманентную характеристику орудийных имен. Но хеттский суф. *-ant-* трудно охарактеризовать как орудийный. По-видимому, для этого эргатива приходится признать типологически редкий путь развития: 1) позиция субъекта переходного глагола возможна только для имен общего (одушевленного) рода (не обязательно обозначающих одушевленные сущности!), 2) суф. *-ant-* переводит неодушевленные имена в разряд одушевленных. Другими способами могли быть тематизация (с прибавлением флексии общего рода *-s*) и словосложение основы косвенного падежа с именем *sepa* ‘дух’. Как видим, перед нами наглядный пример граматикализации: превращение словообразовательного суффикса и отдельного слова в словоизменительную морфему.

2.9. В упоминавшейся статье Б. Дринки наряду с критическими замечаниями в адрес теории активного строя содержится и осторожное признание его возможности [Drinka 1999]. По мнению исследователя, в праиндоевропейском могло иметь место нечто вроде «расщепленной активности» (split activity), по аналогии с расщепленной эргативностью. Ее следы автор находит в морфологии индоевропейского перфекта. Эту категорию Б. Дринка восстанавливает по схеме Э. Ноя [Neu 1968b; 1976]. Согласно Нюю, первичная оппозиция индоевропейского глагола была не аспектуальной, а залоговой: актив противопоставлялся перфекту-стативу. Затем вместе с развитием оппозиции первичных и вторичных окончаний в активе, в системе перфекта-статива тоже развилась оппозиция презенса и не-презенса. Она выразилась в смене тембра гласного, см. таблицу 4.

Таблица 4

Число и лицо	Древняя стадия		Новая стадия			
	Актив	Перфект	Актив		Перфект	
			Презенс	Не-презенс	Презенс	Не-презенс
1 ед. ч.	*-m	*-Ho	*-mi	*-m	*-Ha	*-Ho
2 ед. ч.	*-s	*-tHo	*-si	*-s	*-tHa	*-tHo
3 ед. ч.	*-t	*-o	*-ti	*-t	*-e	*-o
3 ед. ч.	*-nt	*-ro	*-nti	*-nt	*-Vr	*-or

Б. Дринка считает, что перфект-статив мог первоначально сочетаться с неактивным субъектом. Следы стативного перфекта достаточно хорошо известны; они неоднократно описывались в классических работах [Wackernagel 1904; Renou 1925; Chantraine 1927; Перельмутер 1977]: это непереходные перфекты, образованные от переходных глаголов, ср. ведийск. *tanóti* ‘тянуть’ — *tatāna* ‘он вытянут’, *vindāti, cétati* ‘находить’ — *véda, cikéta* ‘он знает’, *juśāti* ‘вкусать’ — *jujóša* ‘он наслаждается’; также перфекты с ярко выраженной стативной семантикой *cakāna* ‘он подобен’, *bibhāya* ‘он боится’, *tasthau* ‘он неподвижен’, *śásrāya* ‘он оставлен’, *anaśa* ‘он имеет’, *babhūva* ‘он есть’ (*bhāvati* ‘становиться’). Ср. об этом [Kiparsky 1998; Kümmel 2000]. Довольно много таких перфектов в древнегреческом: *φθείρω*

‘разрушать’ — *ἔφθορα* ‘он разрушен’, *ὄλλυμι* ‘губить’ — *ὄλωλα* ‘я погиб’, *τεύχω* ‘строить’ — *τετευχώς* ‘построенный’, *πείθω* ‘убеждать’ — *πέποιθα* ‘я убедился’; см. ранее перфект *ὄρωρε*. В подтверждение распространенного мнения о развитии специфически перфектного значения завершенности из стативного Б. Дринка приводит данные из североамериканского языка мохаук. Здесь перфекты, обозначающие состояние, возникшее в результате прошедшего действия, маркируются префиксом *wa-*, характерным для глаголов, обозначающих неконтролируемый процесс: мохаукск. *wa-k-aẖtʰuue* ‘я ушел’ (перфект) — *wa-k-enhra:thʰ* ‘я сероволос’, *uk-wa-tʰhré:ʔuehskeʔ* ‘я овдовел(а)’. Подобно праиндоевропейскому, показатель стативности здесь распространяется от собственно стативных глаголов на глаголы, обозначающие события в прошлом как источник положения дел в настоящем.

Другой след возможной активной конструкции предложения Б. Дринка видит в медиальном залоге глагола, полагая, что ряд глаголов со значением активного действия и существования относятся к категории *activa tantum* (‘быть, идти, есть’), тогда как стативные глаголы (‘рождаться, владеть, наслаждаться’) — это *media tantum* [Бенвенист 1974]¹⁸. И Э. Бенвенист в своей классической работе делает вывод о том, что медиальный залог означает, что действие — это нечто внутреннее по отношению к субъекту. Попутно отметим, что некоторые глагольные семы могут быть связаны как с *activa*, так и с *media tantum*: греч. *εἶμι* ‘идти’ лишено медиального залога, а *ἔρχομαι* — активного. В латыни хорошо известны отложительные глаголы *gradior* ‘шагать’, *utor* ‘пользоваться’. Среди таких глаголов встречаются вполне переходные: греч. *δέχομαι* ‘брать’. Это обстоятельство было очень удачно объяснено Ю. С. Степановым [1989], который показал, что группа глаголов *media tantum* была образована двумя категориями: с одной стороны, стативными глаголами, с другой — глаголами, обозначающими действие или процесс, важный для человека; ср. [Bakker 1994]. Они могут быть вполне активны, и их значение сопоставимо с так называемым медиум заинтересованного лица типа греч. *θύεται*, др.-инд. *yájate* ‘он совершает жертвоприношение’. С точки зрения Б. Дринки, опирающейся на большую лингвистическую традицию, медиальная флексия происходит из перфектной, подвергшейся влиянию активного залога [Drinka 1999: 483—485]. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

2.10. Прежде всего, разделение перфекта на претеритальный с флексиями **-Ho*, **-tHo*, **-o* и презентный (**-Ha*, **-tHa*, **-e*) не мотивировано фактами ни одного индоевропейского языка. Окончание **-e* представлено в греческом перфекте, его следы находят и в латыни; **-o* — в хеттском медиопассиве спряжения на *-hi*, окончания которого, по общему мнению, отражают именно индоевропейский перфект. Кроме того, в древнегреческом и восточно-балтийском тематическом презенсе, который также связан с перфектом, 3 л. ед. ч. также обнаруживает вариации, не связанные с временной оппозицией: греч. *-ei* vs. лит. *-a* < **-o*.

Далее, происхождение медиальных флексий из перфектных вызывает серьезные сомнения как с формальной, так и с семантической точки зрения. По мнению Ноя (см. также [Neu 1967; 1968a; 1968b]), презентный медиум образовался от презентного перфекта, и поэтому его флексии выглядят как **(m)ai*, **-sai*, **-tai* (греч. *-μαι*, *-σαι*, *-ται*, др.-инд. *-e*, *-se*, *-te*), а непрезентный — от претеритального перфекта, поэтому окончание 2 л. выглядит как **-so* (греч. *-σο*, др.-инд. *-sa*), а 3 л. — **-to* (*-το*, *-ta*). Итак, не сохранившись в перфекте, темпоральная оппозиция наглядна в производных формах медиума, что само по себе несколько странно. Древнеиндийское *-se*, *-te* может восходить как к **-sai*, **-tai*, так и к **-soi*, **-toi*.

¹⁸ Исправим попутно некоторые неточности в списке Бенвениста: греч. *ἔδει* ‘он ест’ вовсе не *activum tantum*: в аттическом диалекте гораздо больше распространено медиальное *ἐδομαι*; тем более не является всегда активным др.-инд. глагол *dadāti* ‘давать’: в Ригведе представлены медиальные формы *dhatte*, *dadhate*, *dade*. Первая означает, как правило, ‘принимать, приобретать’, вторая — ‘сохранять (где-либо)’, третья — ‘быть данным’. Также греч. *ἐπομαι* ‘следовать’, однокоренный глагол к др.-инд. *sacate*, лат. *sequor*, приводимым Бенвенистом, имеет активный аналог *ἐπο* ‘хлопотать, быть занятым’ (правда, не все этимологи убеждены в родстве этих глаголов).

В древнегреческом же наряду с *-tai* имеется аркадо-кипрская флексия *-toi*. Она отличается от претеритальной только наличием маркера презенса *-i*. Именно поэтому М. С Руиперес [Ruiperez 1952] предположил, что ахейские диалекты сохранили исконное окончание медиального залога. Через год были расшифрованы крито-микенские таблицы, где в языке XV в. до н. э. медий выражался исключительно флексией *-to* (*-toi*). Ной полагает, что эта флексия развилась из *-tai* благодаря последовательному сужению гласных в аркадо-кипрских диалектах, и приводит кипрский оптатив *kenoitu* (= *genoitu*, общегреч. *γένοιτο*) ‘пусть станет’, аркад. *ωνεσαντο* = *ωνήσαντο* ‘они помогли’. В других диалектах сузившиеся гласные дифтонга перешли в передний ряд: общегреческое *-tai*, *-vtai* > беотийское *-θη/-τη*, *-vθη/-vτη*, фессалийское *-τει*, *-vτει*. Действительно, стяжение *o > u* в ахейских диалектах засвидетельствовано: аркад. *ἀπύ*, микенская приставка *apu* — общегреческое *ἀπό*. Но переход *ai > oi* как будто ни в одном диалекте не отражен. В ахейских (аркадо-кипрском и микенском) диалектах засвидетельствован инфинитив медиопассива *-σθαι* и аориста *-σαι*, хотя, согласно постулированному Ноем процессу, они должны были бы выглядеть как **-σθoi*, **-σοi*. Вообще, переход *o > u* вовсе не предполагает аналогичного *ai > oi*: ср. лат. *lupos > lupus*, но *aquai > aquae*. Таким образом, все возражения Ноя против исконности ахейского *-toi* не выглядят убедительно.

2.11. Так же сомнителен и другой тезис: медиальная флексия происходит из перфектной. Он восходит к высказывавшимся в начале 30-х гг. XX в. Стангом [Stang 1932] и Куриловичем [Kuryłowicz 1932] идеям о том, что медий — это «перфект в презенсе» (то есть настоящее время и особая стативная диатеза). Но это утверждение недостаточно мотивировано. Перфектно-презентные глаголы хорошо известны в германских языках, они действительно обозначают, как правило, внутреннее состояние субъекта (в этом смысле их можно назвать носителями «перфектной диатезы»), но их морфология ничего общего не имеет с медиопассивом. То же можно сказать и о латинских и греческих *perfecta tantum*, обозначающих процесс или состояние отнесенное к настоящему: греч. *οἶδα* ‘знаю’, *ἀνωγα* ‘приказываю’, лат. *memini* ‘помню’, *odi* ‘ненавижу’.

Семантика медиа вовсе не ограничивается непереходностью и стативностью: даже на примере *media tantum* мы видим, что это не совсем так. Напротив, более обоснованной представляется та точка зрения, согласно которой медий обозначает, прежде всего, заинтересованность субъекта в действии: это и самонаправленное действие, или прямо-возвратный залог (*я моюсь* = *я мою себя*), действие, совершаемое в свою пользу (греч. *λοβομαι τὰς χεῖρας* ‘я мою себе руки’), действие, обозначающее устойчивый признак субъекта (*человек ругается*; *курица несется*; греч. *πολιτεύομαι* ‘быть гражданином’ в отличие от активного *πολιτεύω* ‘жить в полисе’). Г. Хирт [Hirt 1907] четко показал, что медий образован из актива посредством передвижения акцента с корня на последний гласный флексии (**-t vs. *-tó*¹⁹). Это ударное окончание и стало базой медиальной парадигмы. А. Эрхарт [Erhart 1975; 1989], Р. Штемпель [Stempel 1996] и автор этих строк [Красухин 1987] связали это передвижение с базовой семантикой медиа: выражение действия, в котором заинтересован сам субъект²⁰. Медий на **-tó* не происходит из перфекта, а сближается с ним в некоторых функциях (обозначение непереходных глаголов и глаголов состояния).

Таким образом, ни морфология, ни семантика индоевропейского медиа не несет каких-то специфических отпечатков активного строя. Происхождение флексии **-tó* из **-t_(o)*,

¹⁹ Ср. др.-инд. *śṛṇóti* ‘слышать’ — *śṛṇutē* ‘прислушиваться’ (*indro dhūnim ca cūmurim ca dambhāyāi chraddhāmanasyā śṛṇute dabhūṭaye* (RV X 113, 9) ‘Индра, Дхуни (дымящегося) и Чумури сокрушая, к Дабхити прислушивается’); *ācet* ‘он наблюдал’ (*yadā samaryām vī aced jghāvā* (IV 24, 8) ‘когда он, неистовый, взглянул на битву’) — *citē* ‘показывается’ (*citē tgād vām surādhasā rātiḥ sumatir aśvinā* (X 143, 4) ‘Показывается вам, щедрые Ашвины, дар и благоволение’).

²⁰ Обзор всей проблематики праиндоевропейского медиа увел бы нас слишком далеко. См., помимо указанных в тексте, работы [Перельмутер 1977; 1995; Fox, Hopper 1994].

помимо наглядности оппозиции типа *ádhāt / ádhita* (с четкой параллелью в беотийском *ανεθε* / греч. *ἐθετο*), подтверждается и несомненной параллелью с именными суффиксами, где **-t-* обозначает имя деятеля, **-tó-* — страдательное причастие (*śrñóti* ‘слышать’ — *devaśrūt* ‘слушающий бога’, *śrutáh* ‘слышный’). Отметим также ряд весьма удачных, на наш взгляд, попыток подвергнуть критике реконструкцию эргативного строя в праиндоевропейском. Так, А. Рамси полагает, что полное отсутствие эргативной конструкции в большинстве индоевропейских языков свидетельствует о том, что субъектно-объектные отношения выражались совершенно иначе: порядком слов (уровень предложения, *phrase level*), собственно морфологией (уровень слова, *word level*). Эргативная же конструкция предполагает согласование на уровне синтагмы (*clause level*); следов этого в индоевропейских языках нет [Rumsey 1987: 315]; см. также [Villar 1990].

3. Заключение

Итак, суммируем. Во-первых, в праиндоевропейской реконструкции невозможно выявить зависимость субъекта предложения от типа глагола. Во-вторых, в некоторых новых индоевропейских языках развилась расщепленная эргативность на базе пассивных причастий перфекта, что надо считать поздним явлением. В-третьих, эргативные черты хеттского языка довольно своеобразны, но их нельзя проецировать на праиндоевропейский уровень. Таким образом, не найдено оснований для восстановления неноминативного строя в индоевропейском предложении²¹.

В заключение отметим, что существует попытка представить предложения с субъектом в косвенном падеже, имеющиеся во многих индоевропейских языках, как аналог или наследие активного или эргативного строя предложения. Этой проблеме, а также генезису эргативного строя мы надеемся посвятить специальную публикацию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABS — абсолютив
 ERG — эргатив
 INSTR — инструменталис
 PRET — претерит
 SUB — субъект (показатель субъектного спряжения)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бадер 1989 — Бадер Ф. Флексии сигматического аориста // Новое в зарубежной лингвистике. 1989. Вып. XXI: Новое в зарубежной индоевропеистике. С. 331—350. [Bader F. Flexions of the sigmatic aorist // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1989. No. XXI: *Novoe v zarubezhnoi indoevropeistike*. Pp. 331—350.]
- Бенвенист 1974 — Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. [Benveniste É. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress, 1974.]
- Гак 1972 — Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Шаумян С. К. (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367—395. [Gak V. G. On the problem of semantic syntagmatics. *Problemy strukturnoi lingvistiki 1971*. Shaumyan S. K. (ed.). Moscow: Nauka, 1972. Pp. 367—395.]
- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2 т. Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. [Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoevropeiskii yazyk i indoevropeitsy* [The Indo-European language and the Indo-Europeans]. In 2 vol. Tbilisi: Tbilisi Univ. Publ., 1984.]

²¹ Ряд проблем эргативной конструкции в протоиндоевропейском и анатолийских языках рассматривается также в работах [Sylvain 2007; Bavant 2008; Melchert 2011; Шацков 2011; Goedegedbuure 2012].

- Елизаренкова 1967 — Елизаренкова Т. Я. Эргативная конструкция в новоиндийских языках // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 116—125. [Elizarenkova T. Ya. The ergative structure in Modern Indian languages. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 116—125.]
- Елизаренкова 1989—1999 — Елизаренкова Т. Я. (перев. и комм.). *Rigveda*. В 3 т. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 1989—1999. [Elizarenkova T. Ya. (transl. and comments). *The Rigveda*. In 3 vol. (Ser. «Literaturnye pamyatniki».) Moscow: Nauka, 1989—1999.]
- Климов 1973 — Климов Г. А. Очерк общей теории эргативности. М.: Наука, 1973. [Klimov G. A. *Ocherk obshchei teorii ergativnosti* [An outline of the general theory of ergativity]. Moscow: Nauka, 1973.]
- Климов 1977 — Климов Г. А. Типология языков активного строя. М.: Наука, 1977. [Klimov G. A. *Tipologiya yazykov aktivnogo stroya* [A typology of languages with active structure]. Moscow: Nauka, 1977.]
- Климов 1983 — Климов Г. А. Принципы контентивной типологии. М.: Наука, 1983. [Klimov G. A. *Printsipy kontensivnoi tipologii* [Principles of contentive typology]. Moscow: Nauka, 1983.]
- Красухин 1985 — Красухин К. Г. К истокам и функции индоевропейского родительного падежа // Вестник Московского университета, Серия 9 «Филология». 1985. № 3. С. 78—85. [Krasukhin K. G. On the origin and function of the Indo-European genitive. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. «Filologiya»*. 1985. No. 3. Pp. 78—85.]
- Красухин 1987 — Красухин К. Г. К вопросу о взаимоотношении индоевропейского активного и среднего залога // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 21—32. [Krasukhin K. G. On the correlation of the Indo-European active and medium voices. *Voprosy jazykoznanija*. 1987. No. 6. Pp. 21—32.]
- Красухин 1990 — Красухин К. Г. Некоторые проблемы реконструкции индоевропейского синтаксиса (в связи с выходом книги Ю. С. Степанова «Индоевропейское предложение») // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 71—84. [Krasukhin K. G. Some problems of syntactic reconstruction in Indo-European. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 6. Pp. 71—84.]
- Красухин 2005 — Красухин К. Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса. М.: Наука, 2005. [Krasukhin K. G. *Ocherki po rekonstruktsii indoeuropeiskogo sintaksisa* [Essays on reconstruction of the Indo-European syntax]. Moscow: Nauka, 2005.]
- Красухин 2013 — Красухин К. Г. К вопросу о строе предложения индоевропейских языков // Демьянков В. З., Азарова Н. М., Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. (ред.). Языковые параметры современной цивилизации: Сборник трудов первой научной конференции памяти академика Ю. С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И. В. («Эйдос»), 2013. С. 116—126. [Krasukhin K. G. On sentence structure in the Indo-European languages. *Yazykovye parametry sovremennoi tsivilizatsii: Sbornik trudov pervoi nauchnoi konferentsii pamyati akademika Yu. S. Stepanova*. Dem'yankov V. Z., Azarova N. M., Feshchenko V. V., Bochaver S. Yu. (eds.). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, IP Shilin I. V. («Eidos»), 2013. Pp. 116—126.]
- Перельмутер 1977 — Перельмутер И. А. Общиндоевропейский и греческий глагол. Л.: Наука, 1977. [Perel'muter I. A. *Obshcheindoeuropeiskii i grecheskii glagol* [The Proto-Indo-European and the Greek verb]. Leningrad: Nauka, 1977.]
- Перельмутер 1995 — Перельмутер И. А. Залог древнегреческого глагола. СПб.: Институт лингвистических исследований, 1995. [Perel'muter I. A. *Zalog drevnegrecheskogo glagola* [The voice of the Ancient Greek verb]. St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, 1995.]
- Пирейко 1967 — Пирейко Л. А. К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 135—141. [Pireiko L. A. On the ergative structure in Iranian languages. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 135—141.]
- Савченко 1967 — Савченко А. Н. Эргативная конструкция в праиндоевропейском языке // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 74—91. [Savchenko A. N. The ergative structure in the Proto-Indo-European language. *Ergativnaya konstruktziya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 74—91.]
- Савченко 1974 — Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М.: Высшая школа, 1974. [Savchenko A. N. *Sravnitel'naya grammatika indoeuropeiskikh yazykov* [A comparative grammar of the Indo-European languages]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1974.]

- Степанов 1989 — Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. М.: Высшая школа, 1989. [Stepanov Yu. S. *Indoevropskoe predlozhenie* [The Indo-European sentence]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989.]
- Тронский 1967 — Тронский И. М. О доминативном прошлом индоевропейских языков // Жирмунский В. М. (отв. ред.). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л.: Наука, 1967. С. 91—95. [Tronskii I. M. On the prenominal past of the Indo-European languages. *Ergativnaya konstruktsiya predlozheniya v yazykakh razlichnykh tipov*. Zhirmunskii V. M. (ed.). Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 91—95.]
- Уленбек 1950 — Уленбек Х. К. Agens и Patiens в праиндоевропейском // Кондрашов Н. А. (ред.). Эргативная конструкция предложения. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. С. 101—103. [Uhlenbek Ch. C. Agent and Patient in Proto-Indo-European. *Ergativnaya konstruktsiya predlozheniya*. Kondrashov N. A. (ed.). Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1950. Pp. 101—103.]
- Фридрих 1952 — Фридрих Й. Краткая грамматика хеттского языка. М.: ИИЛ, 1952. [Friedrich I. *Kratkaya grammatika khettskogo yazyka* [A concise Hittite grammar]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Чикобава 1952 — Чикобава А. С. Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1952. [Chikobava A. S. *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to the study of language]. Moscow: Uchpedgiz, 1952.]
- Шацков 2011 — Шацков А. В. Эргативный падеж в хеттском языке // Казанский Н. Н. (отв. ред.). *Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. VII. № 1: *Colloquia Classica et Indo-Germanica V*. СПб.: Наука, 2011. С. 143—152. [Shatskov A. V. The ergative case in Hittite. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvicheskikh issledovaniy RAN*. Vol. VII. No. 1: *Colloquia Classica et Indo-Germanica V*. Kazanskii N. N. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2011. Pp. 143—152.]
- Широков 2003 — Широков О. С. Языковедение: Введение в науку о языке. М.: Добросвет, 2003. [Shirokov O. S. *Yazykovedenie: Vvedenie v nauku o yazyke* [Linguistics: Introduction to the study of language]. Moscow: Dobrosvet, 2003.]
- Шмальstieg 1989 — Шмальstieg В. Р. Морфология глагола // Новое в зарубежной лингвистике. 1989. Вып. XXI: Новое в зарубежной индоевропеистике. С. 262—330. [Schmalstieg W. R. Verbal morphology. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. 1989. No. XXI: *Novoe v zarubezhnoi indoeuropeistike*. Pp. 262—330.]
- Bakker 1994 — Bakker E. J. Voice, aspect, and Aktionsart: Middle and Passive in Ancient Greek. *Voice: Form and function*. Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1994. Pp. 23—48.
- Bavant 2008 — Bavant M. Proto-Indo-European ergativity... still to be discussed. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*. 2008. Vol. 44. No. 4. Pp. 433—447.
- Beekes 2011 — Beekes R. S. P. *Comparative Indo-European linguistics: An introduction*. Amsterdam: John Benjamins, 2011.
- Chantraine 1927 — Chantraine P. *Histoire du parfait grec*. Paris: Klincksieck, 1927.
- Dahl 2010 — Dahl E. *Time, tense and aspect in Early Vedic grammar: Exploring inflectional semantics in the Rigveda*. Leiden: Brill, 2010.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. No. 1. Pp. 59—138.
- Dixon 1994 — Dixon R. M. W. *Ergativity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.
- Drinka 1999 — Drinka B. Alignment in Early Proto-Indo-European. *Language change and typological variation: In honor of Winfred P. Lehmann on the occasion of his 83rd birthday. Vol. II: Grammatical universals and typology*. (JIES Monographs 31.) Washington D.C.: Institute for the Study of Man. Pp. 484—500.
- Erhart 1975 — Erhart A. Der indoeuropäische Akzent und seine Funktionen. *Studia Minora Facultatis Philosophicae Universitatis Brunensis*. 1975. Bd. 22/23. S. 19—29.
- Erhart 1989 — Erhart A. *Das indoeuropäische Verbalsystem*. Brno: Universita L. E. Perkuně, 1989.
- Fox, Hopper 1994 — Fox B. A., Hopper P. J. (eds.). *Voice: Form and function*. Amsterdam: John Benjamins, 1994.
- Friedrich, Kammenhuber 1978 — Friedrich J., Kammenhuber A. *Das hethitische Wörterbuch*. Bd. I. Heidelberg: Carl Winter, 1978.
- Garrett 1990 — Garrett A. The origin of NP split ergativity. *Language*. Vol. 66. No. 2. Pp. 261—296.
- Geldner 1951—1957 — Geldner K. F. *Der Rig-Veda, aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt, und einem laufenden Kommentar versehen*. 4 vols. (Harvard Oriental Series 33—36.). Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1951—1957.
- Georgiev 1975 — Georgiev V. I. Die Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien. *Balkansko ezikoznanie*. 1975. Bd. 18. No. 3. S. 5—56.

- Goedegebuure 2013 — Goedegebuure P. Split-ergativity in Hittite. *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie*. 2013. Bd. 102. No. 2. S. 270—303.
- Gonda 1957 — Gonda J. The character of the Sanskrit Accusative. *Miscelánea homenaje a André Martinet "Estructuralismo e Historia"*. Catalán D. (ed.). Canarias: Biblioteca Filológica, Universidad de La Laguna. Pp. 47—65.
- Harris, Campbell 1995 — Harris A. C., Campbell L. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Hirt 1907 — Hirt H. Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen. *Indogermanische Forschungen*. 1907. Bd. 17. No. 1. S. 36—84.
- Hoffmann 1975 — Hoffmann K. Hethitisch *luk(k)-, lukki-*. Hoffmann K. *Aufsätze zur Indoiranistik I*. (Hrsg.). Wiesbaden.: Reichert, 1975. S. 251—257.
- Hoffner, Melchert 2008 — Hoffner H. A. Jr., Melchert C. H. *A grammar of the Hittite language. Part 1: Reference Grammar*. Winona Lake (IN): Eisenbrauns, 2008.
- Josephson 2004 — Josephson F. Semantic and typology of Hittite *-ant*. *Indo-European word formation: Proceedings of the conference held at the University of Copenhagen, October 20th — 22nd 2000*. Clackson J., Olsen B. A. (eds.). Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2004. Pp. 91—118.
- Kiparsky 1998 — Kiparsky P. Aspect and event structure in Vedic. *The Yearbook of South Asian Studies and Linguistics 1998*. Singh R. (ed.). London: Sage Publ. Pp. 29—61.
- Kloekhorst 2008 — Kloekhorst A. *Etymological dictionary of the Hittite inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- Kølln 1969 — Kølln H. *Opposition of voice in Greek, Baltic, and Slavic*. København: Munksgaard, 1969.
- Krasuchin 1996 — Krasuchin K. G. Studien zur Beziehungen zwischen indoeuropäischen Verben und Nomina. *Indogermanische Forschungen*. 1996. Bd. 101. S. 28—48.
- Krasukhin 2012 — Krasukhin K. G. Indo-European conjugation: History and pre-history. *The Indo-European verb: Proceedings of the conference of the Society for Indo-European Studies, Los Angeles 13—15 September 2010*. Melchert C. H. (ed.). Wiesbaden: Reichert, 2012. Pp. 179—189.
- Kronasser 1966 — Kronasser H. *Etymologie der hethitischen Sprache. Bd. 1: Zur Schreibung und Lautung des Hethitischen. Wortbildung des Hethitischen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1966.
- Kurylowicz 1932 — Kurylowicz J. Les désinences moyennes de l'indo-européen et du hittite. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 33. Pp. 2—4.
- Kurylowicz 1956 — Kurylowicz J. *L'apophonie en indo-européen*. Wrocław: Zakład im. Ossolińskich, 1956.
- Kurzová 1999 — Kurzová H. Syntax in Indo-European morphosyntactic type. *Language change and typological variation: In honor of Winfred P. Lehmann on the occasion of his 83rd birthday. Vol. II: Grammatical universals and typology*. (JIES Monographs 31.) Washington D.C.: Institute for the Study of Man. Pp. 501—520.
- Kümmel 2000 — Kümmel M. J. *Perfekt im Indoiranischen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 2000.
- Laroche 1962 — Laroche E. Un "ergatif" en Indo-European d'Asie Mineure. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. Vol. 57. Pp. 23—43.
- Lehmann 1993 — Lehmann W. P. *Theoretical bases of Indo-European linguistics*. London: Routledge, 1993.
- LIV — Rix H. (ed.). *Das Lexikon der indogermanischen Verben*. Aufl. 2. Wiesbaden: Reichert, 2001.
- Melchert 2011 — Melchert C. H. The problem of the Ergative Case in Hittite. *Grammatical case in the languages of Middle East and Europe. Acts of the International Colloquium "Variations, concurrence et evolution des cas dans divers domaines linguistiques", Paris, 2—4 April 2007*. Fruyt M., Mazoyer M., Pardee D. (eds.). (Studies in Ancient Oriental Civilization 64.) Chicago: The Oriental Institute, 2011. Pp. 161—167.
- Neu 1967 — Neu E. Die Bedeutung der Hethitischen für die Rekonstruktion des fruhindogermanischen Verbalystems. *Indogermanische Forschungen*. 1967. Bd. 72. S. 221—238.
- Neu 1968a — Neu E. *Hethitischer Mediopassiv und seine indogermanischen Grundlagen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1968.
- Neu 1968b — Neu E. *Interpretation der hethitischen mediopassiven Verbalformen*. Wiesbaden: Otto Harassowitz, 1968.
- Neu 1976 — Neu E. Zur Rekonstruktion des indogermanischen Verbalystems. *Studies in Greek, Italic, and Indo-European linguistics offered to Leonard R. Palmer*. Murpurgo-Davies A., Meid W. (eds.). Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1976. Pp. 239—254.
- Neu 1980 — Neu E. *Studien zum endungslosen "Lokativ" des Hethitischen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1980.
- Nichols 1992 — Nichols J. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1992.

- Pedersen 1907 — Pedersen H. Neues und Nachträgliches. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*. 1907. Bd. 40. S. 129—217.
- Rasmussen 2000 — Rasmussen J. E. The growth of IE ablaut: Contrastive accent and Vřddhi. *Proceedings of the Eleventh Annual UCLA Indo-European Conference, Los Angeles, June 4—5, 1999*. Jones-Bley K., Huld M. E., Della Volpe A. (eds.). Washington: Institute for the Study of Man, 2000. Pp. 231—240.
- Ruipérez 1952 — Ruipérez M. S. Desinencias medias primarias indoeuropeas sg. 1.^a *-(m)ai, 2.^a *-soi, 3.^a *-(t)oi, pl. 3.^a *-ntoi. *Emerita*. 1952. Vol. 20. Pp. 8—31.
- Renfrew 1987 — Renfrew C. *Archaeology and linguistics: The puzzle of Indo-European origins*. New York: Cambridge Univ. Press, 1987.
- Renou 1925 — Renou L. Le type védique tudāti. *Mélanges linguistiques offerts à M. J. Vendryes par ses amis et ses élèves*. Bally Ch., Basset A. (éds.). Paris: Champion, 1925. Pp. 309—316.
- Risch 1975 — Risch E. Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas. *Flexion und Wortbildung. Akten der V. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft*. Rix H. (Hrsg.). Heidelberg: Carl Winter, 1975. S. 247—258.
- Rumsey 1987 — Rumsey A. The chimera of Proto-Indo-European ergativity. *Lingua*. 1987. Vol. 71. Pp. 297—318.
- Shields 1982 — Shields K. Jr. *Indo-European noun inflection: A developmental history*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1982.
- Schmalstieg 1980 — Schmalstieg W. R. *Indo-European linguistics: A new synthesis*. University Park: Pennsylvania State Univ. Press, 1980.
- Schmalstieg 1984 — Schmalstieg W. R. The Genitive with verbs denoting ‘to fill’: Partitive or Ergative? *Baltistica*. 1984. Vol. XX. No. 2. Pp. 136—140.
- Sylvain 2007 — Sylvain P. *L'alignement syntaxique dans les langues indo-européennes d'Anatolie*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 2007.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). Canberra: Australian National Univ., 1976. Pp. 112—171.
- Solta 1958 — Solta G. R. *Gedanken über nt-Suffix*. Wien: Rohrer, 1958.
- Stang 1932 — Stang Ch. Perfectum and Medium. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. 1932. Vol. 6. Pp. 29—39.
- Stempel 1996 — Stempel R. *Die Diathese im Indogermanischen: Formen und Funktionen des Mediums und ihre sprachhistorischen Grundlagen*. Innsbruck: Institut für Sprachwissenschaft der Univ. Innsbruck, 1996.
- Tchekhoff 1978 — Tchekhoff C. Le double cas-sujet des inanimés: Un archaïsme de la syntaxe hittite? *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1978. Vol. 73. Pp. 225—241.
- Teffeteller 2015 — Teffeteller A. Anatolian morphosyntax: Inheritance and innovation. *Perspectives on historical syntax*. Viti C. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2015. Pp. 155—184.
- Vaillant 1936 — Vaillant A. L'ergatif indo-européen. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*. 1936. Vol. 37. Pp. 93—108.
- Villar 1990 — Villar F. On the origin of person marking in Indo-European verbal system. *Baltistica*. 1990. Vol. XXVI. No. 1. Pp. 4—14.
- de Vries 1957 — de Vries J. *Altgermanische Religionsgeschichte*. Bd. II. Aufl. 2. Berlin: de Gruyter, 1957.
- Wackernagel 1904 — Wackernagel J. *Studien zum griechischen Perfekt*. Göttingen: Dieterich, 1904.
- Watkins 1969 — Watkins C. *Indogermanische Grammatik. Bd. III: Formenlehre. T. I: Geschichte der indogermanischen Verbalflexion*. Heidelberg: Carl Winter, 1969.
- Watkins 1971 — Watkins C. Hittite and Indo-European studies: The denominative stative in -ē-. *Transactions of the Philological Society*. 1971. Vol. 70. Pp. 51—93.

Статья поступила в редакцию 26.02.2016.